

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ГЕРЦОГ

18+

ЛИГА
ВЫДАЮЩИХСЯ
ЖЕНЩИН

ЭВИ ДАНМОР

«Я увидела будущее исторического романа, и это Эви Данмор».
ЕВА ЛИ

Лига выдающихся женщин

Эви Данмор

Мой любимый герцог

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Данмор Э.

Мой любимый герцог / Э. Данмор — «Эксмо», 2019 — (Лига выдающихся женщин)

ISBN 978-5-04-169120-2

Идеально для фанатов «Бриджертонов» и «Книжных хроник Анимант Крамб». Роман года по версии Publishers Weekly. Лучшая книга месяца на Amazon. Эви Данмор создала свой дебютный роман «Мой любимый герцог», вдохновленная волшебными пейзажами Оксфорда и страстью к романтике, интересом к судьбам женщинам с передовыми взглядами и викторианской эпохе. В обычной жизни она консультант в сфере дипломатии, имеет степень магистра, которую получила в Оксфорде. Эви Данмор является членом Британской ассоциации романтических прозаиков (RNA). Писательница живет в Берлине и свое увлечение Англией XIX века отражает в своих произведениях. Англия, 1879 год. Очаровательная Аннабель Арчер живет в доме кузена на положении прислуги и уже не верит в светлое будущее. Ее жизнь навсегда меняется, когда в Оксфорде открывается колледж для женщин. Новые подруги посвящают Аннабель в движение суфражисток, и вот она уже спешит вручить информационную листовку незнакомцу. Высокомерный герцог Монтгомери находится по другую сторону баррикад, но после случайной встречи не может перестать думать о милом личике Аннабель. Увы, высокое положение герцога не позволяет ему жениться на простолюдинке, как бы сильно он ни желал обладать прекрасной дамой. Не слишком ли много преград на пути к счастью? Или любовь не знает преград? Это Аннабель и герцогу предстоит проверить. «"Мой любимый герцог" – лучший исторический роман из всех, которые я прочла за год. Меня буквально заворожила эта история запретной любви между энергичной, умной героиней-суфражисткой и суровым, неприступным герцогом, который доказывает, что самый жаркий огонь тот, что пылает под панцирем льда. Эви Данмор – удивительный, свежий голос в романтической прозе. Не пропустите ее блестящий дебют. – Анна Кэмпбелл «Я увидела будущее исторического романа, и это Эви Данмор». – Ева Ли «Роман Эви Данмор воплотил в себе

лучшее из двух жанров – волнующий романтический сюжет и основательность исторического произведения. История женского избирательного движения в Великобритании не менее захватывающая, чем зарождение чувств между Аннабель и Себастьяном». – Рене Розен

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-169120-2

© Данмор Э., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	49
Глава 10	53
Глава 11	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Эви Данмор

Мой любимый герцог

Evie Dunmore
Bringing Down the Duke

© Ермолина И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Посвящается Опе, которая убедила меня, что я могу справиться
с чем угодно, но не обязана терпеть все*

Глава 1

Кент, август 1879

– Ни в коем случае! Что за нелепые фантазии, Аннабель!

Глаза Гилберта стали круглыми, как у зайца, которого вот-вот настигнут собаки.

Аннабель потупила взор. Опущенные ресницы придают кроткий вид, а кротость лучше всего успокаивала ее кузена, когда он сердился. Из всех типов мужчин, с которыми Аннабель умела управляться, «невежественный, но самодовольный» был не самым сложным. С другой стороны, не дай бог, если твоя собственная судьба оказывается в руках подобного человека. Здесь, в тесном маленьком кабинете, Гилберт не моргнув глазом отнимет у нее шанс, который выпадает лишь раз в жизни, и тут же уставится в витрину с бабочками, только что нанизанными на булавки.

– Никогда не знаешь, чего от тебя ожидать! Ну что еще придет тебе в голову? – возмутился кузен. – Поступить в цирк? Баллотироваться в парламент?

– Соглашусь, звучит несколько непривычно, – сказала Аннабель, – но...

– Забудь об Оксфорде! – рявкнул кузен, хлопнув ладонью по столу.

Старому письменному столу ее отца... По завещанию он отошел Гилберту, а не ей. Несмотря на следы времени, этот великолепный предмет мебели на четырех резных львиных лапах придал бы величия любому возвышающемуся над ним мужчине. Однако помочь кузену оказался не в силах: сидящий за столом Гилберт напоминал жалкого перепуганного цыпленка, попавшего в ловушку. Еще бы! Ну и задачку задала ему кузина! Аннабель тоже себе удивлялась. После пяти долгих лет, проведенных у Гилберта в роли домашней прислуги, она и сама не ожидала, что еще способна желать чего-либо столь страстно. Она трезво смотрела на вещи и не питала особых надежд на светлое будущее, все ее мысли и мечты давно уже не простирались далее границ прихода Чорливуд. Но внезапно новость о том, что при Оксфордском университете открылся женский колледж, поразила ее с силой стрелы, пронзившей сердце насквозь.

Сначала Аннабель гнала от себя мысли об учебе, но ровно через неделю ее самообладание, приобретенное с таким трудом, рухнуло. Ведь желание учиться не было пустой блажью. Сколько бы еще лет пришлось Аннабель провести в обветшавшем доме незадачливого Гилберта? Идти ей некуда, средств к существованию у нее нет. Не дай бог, кузен окончательно разорится, и значит, дальше – другой дом, где она вполне может стать легкой добычей распутного хозяина... Днем Аннабель как на автомате крутилась по хозяйству. Ночами же к ней приходило осознание своего положения: она все время ходит по краю пропасти, на дне которой ее поджидает старость в работном доме. И в своих кошмарах каждую ночь она срывалась и летела в эту бездну...

Пальцы нащупали тонкий конверт в кармане фартука. Письмо о ее зачислении в Оксфорд. Хорошее образование могло бы остановить падение.

– Разговор окончен, – сказал Гилберт.

Ее руки сжались в кулаки. *Спокойно. Сохраняй спокойствие.*

– Я вовсе не хотела ссориться с вами, – тихо сказала она. – Наоборот, думала, вы будете в восторге.

Вопиющая ложь, разумеется.

Гилберт нахмурился.

– В восторге? От чего это? – Гнев на его лице сменился чем-то вроде беспокойства. – Ты не заболела?

– Ну как же, учитывая, какие выгоды это сулит, я думала, вы будете только рады такой возможности.

– О каких выгодах речь?

– Прошу прощения, кузен. Я не вправе тратить ваше драгоценное время. – Аннабель попыталась встать.

– Не торопись, – сказал Гилберт, помахав рукой. – Присядь, поговорим.

Она смотрела на него ясным спокойным взглядом.

– Я знаю, у вас большие планы на мальчиков, а гувернантка, получившая образование в Оксфорде, стала бы хорошим подспорьем.

– Действительно, у меня есть планы, и вполне разумные планы, – хмыкнул Гилберт, – но ты уже и так знаешь греческий и латынь в необходимых объемах, и уж конечно, даже больше, чем требуется женщине. К тому же чрезмерное образование разрушает женский мозг, так в чем же тут выгода для нас, а?

– Я могла бы устроиться на должность гувернантки или компаньонки в поместье.

Это был ее последний шанс – если упоминание барона Эшби, хозяина поместья на холме и владельца их прихода, не подействует на Гилберта, тогда уже ничто не поможет. Кузен буквально готов был целовать землю, по которой ступал сей знатный господин.

И действительно, Гилберт замер. Аннабель почти слышала, как заработал его мозг, медленно, со скрипом, будто старый точильный камень. *Старый*, потому что на новый у Гилберта не было денег. Он с трудом сводил концы с концами, что было неудивительно, поскольку размер его скромного жалованья за звон церковных колоколов не менялся годами, в то время как семья неуклонно росла.

– Ну... – сказал Гилберт, – это и в самом деле может принести неплохие доходы. Барон хорошо платит.

– Разумеется. Но ваши, кузен, опасения мне вполне понятны. Когда речь идет о соблюдении приличий, материальные расчеты отходят на второй план...

– Так-то оно так, но, если поразмыслить, твоя затея не выглядит столь уж неприличной. Тем более что она призвана служить высокой цели.

– О! – воскликнула Аннабель. – Разве я могу решиться на такой шаг теперь, когда вы открыли мне все изъяны моего замысла? Что станет с моим рассудком? Вдруг я сойду с ума?

– Ну-ну, не стоит преувеличивать, – ответил Гилберт. – Твоя голова наверняка вполне приучена к книгам. А вот без твоей помощи мы не сможем обойтись и неделю. Вместо тебя нам пришлось бы нанять помощниц. – Он устремил на нее тревожный и хитрый взгляд. – Однако, как ты знаешь, нам это не по карману.

Какая досада, именно сейчас Гилберт вдруг задумался о семейном бюджете. И хотел, чтобы кузина компенсировала все расходы, которые повлечет ее отъезд, хотя она стоила ему... да ничего не стоила. Увы, назначенной Аннабель скромной стипендии едва хватило бы на еду и одежду.

Она подалась вперед в своем кресле.

– Какое жалованье вы положили бы горничной, кузен?

Глаза Гилберта расширились от удивления, но он быстро пришел в себя.

Он скрестил руки на груди.

– Два фунта.

Аннабель удивленно выгнула бровь.

– Два фунта?!

На лице кузена застыло упрямое выражение.

– Ну да. Конечно, есть Бесс... Но ей никак не обойтись без помощницы.

Как же! Да он и не подумает никого нанимать! Но Аннабель удалось сдержаться и сказать ровным голосом:

– Тогда я буду посылать вам каждый месяц два фунта.

Гилберт нахмурился.

– И как же ты их добудешь?

– Да легко! – *Понятия не имею*, подумала она про себя. – Буду давать уроки, наберу побольше учеников.

– А-а, вот оно что.

Ни она, ни кузен не были уверены, что даже в поместье барона служанкам платят два фунта в месяц. Ей же удастся наскрести разве что два лишних шиллинга – и то чудом.

Аннабель встала и протянула руку через стол.

– Обещаю.

Гилберт опасливо уставился на руку, словно увидел щупальце неизвестного существа.

– Скажи мне, – сказал он, помедлив, – разве я могу быть уверен, что в колледже ты не наберешься всех этих оксфордских замашек и что в конце концов вернешься сюда?

Аннабель не знала, что ответить. Как странно. Она пыталась выманить разрешение у Гилберта с единственной целью – сохранить место в его доме, ведь женщине всегда нужен кров, каким бы он ни был. Но внутри нее все восстало, когда пришлось ответить.

– Куда же мне еще деваться? – спросила она.

Гилберт поджал губы. В раздумьях кузен рассеянно похлопывал себя по животу. С ответом он не спешил.

– Если ты удержишь платежи, – наконец произнес он, – я призову тебя обратно.

До нее медленно доходил смысл сказанного. Призвать обратно? Ведь это означает, что для начала ее придется отпустить. Кузен отпускал ее!

– Понимаю, – выдавила она.

Ее мозолистая ладонь едва ощущала прикосновение мягких холеных пальцев Гилберта. Внезапно перед глазами все поплыло, и Аннабель оперлась на стол, единственный твердый предмет, оказавшийся рядом.

– Тебе непременно потребуется компаньонка, – будто сквозь туман услышала она слова кузена.

У нее вырвался хриплый смешок, звук которого напугал даже ее саму.

– Зачем это? Мне уже двадцать пять.

– Хм, – сказал Гилберт. – Полагаю, получив университетское образование, ты окончательно потеряешь шанс вступить в брак.

– К счастью, у меня нет ни малейшего желания выходить замуж.

– Ну да, ну да, – пробурчал Гилберт.

Аннабель знала, что он не одобряет ее добровольного безбрачия, считая его противозаконным. Однако все выражаемые опасения по поводу затянувшегося девичества были не более чем данью приличиям, и он, вероятно, сам понимал их неискренность. Или, как все в Чорливоде, в чем-то ее подозревал...

Словно что-то вспомнив, кузен нахмурился.

– Есть еще кое-что, о чем я не могу не сказать, Аннабель.

Неприятные слова повисли в воздухе, как ястребы, готовые броситься на жертву. Пусть придирается! Аннабель была спокойна, ее руки покорно сложены и бестрепетны.

– Оксфорд, как известно, царство порока, – начал Гилберт, – гадючья яма, полная пьяниц и разврата. Если ты впутаешься во что-то неподобающее, если появится хоть тень сомнения в твоей нравственности, как бы это ни было прискорбно, двери нашего дома навсегда закро-

ются для тебя. Человек в моем положении, служитель англиканской церкви, должен держаться подальше от скандалов.

Он, без сомнения, имел в виду скандал, связанный с мужчиной. На этот счет он мог не беспокоиться. Однако он еще не все знал о ее стипендии. Гилберт, кажется, предполагал, что она предоставлена университетом. На самом же деле благодетелем Аннабель стало Национальное общество за избирательное право женщин, которое она теперь обязана поддерживать. В оправдание Аннабель общество в лице некой леди Люси Тедбери привлекло ее внимание лишь потому, что предлагало стипендии нуждающимся девушкам-студенткам, а вовсе не потому, что она интересовалась политикой. Однако можно с уверенностью утверждать, что в списке прегрешений по шкале Гилберта «борьба за избирательное право» будет немногим лучше «скандальной любовной интрижки».

– К счастью, провинциальная старая дева из сельской глуши надежно защищена от любых скандалов, – весело ответила Аннабель, – даже в Оксфорде.

Гилберт снова прищурился, и Аннабель напряглась под его внимательным взглядом. Неужели она перестаралась? Возможно, румянец юности у нее на щеках уже угас, а из-за постоянной работы в огороде на ветру, солнце, дожде вокруг глаз появилось несколько тонких морщинок. Но по утрам из зеркала на нее все еще смотрело лицо девушки лет двадцати с небольшим. Те же высокие скулы, тонкий нос и благодаря французскому происхождению рот, который всегда казался припухлым. Рот, от которого мужчины сходят с ума, по крайней мере, так ей говорили...

Аннабель язвительно скривила губы. Всякий раз, встречаясь со своим отражением, она видела лишь свои зеленые глаза. В них не было восторженного блеска юной дебютантки, а отсутствие наивности во взгляде защищало ее от интрижек гораздо лучше, чем несколько увядшая внешность. По правде говоря, меньше всего на свете ей хотелось снова попасть в неприятности из-за мужчины.

Глава 2

Вестминстер, октябрь

– А теперь, – сказала леди Люси, – повторю для новых членов нашего общества: есть три правила вручения листовки джентльмену. Первое: определите в толпе влиятельное лицо. Второе: подойдите к нему решительно, но с улыбкой. Третье: такие типы, разумеется, могут почувствовать ваш страх, но обычно они сами боятся вас еще больше.

– Прямо как собаки, – пробормотала Аннабель.

Острый взгляд серых глаз леди Люси переместился на нее.

– Именно так.

Да у нее, оказывается, отменный слух, надо иметь в виду на будущее.

Аннабель поглубже укуталась в шаль, стянув ее на груди замерзшими пальцами. Грубая шерсть не спасала от холодного лондонского тумана, плывущего над Парламентской площадью, и уж совсем не защищала от колких взглядов прохожих. Парламентский сезон еще не наступил, но в районе Вестминстера всегда можно было встретить достаточно джентльменов, принимающих законы, по которым потом жила вся страна. При мысли о том, что придется подойти к одному из столь важных лиц, внутри у Аннабель все сжалось. Приличной женщине не полагалось заговаривать с незнакомцем на улице, и уж тем более размахивая листовками, на которых крупными буквами напечатано: «Закон о собственности замужних женщин превращает в рабынь всех жен!»

В этом утверждении была немалая доля правды – по Закону о собственности любая из женщин, какой бы богатой она ни была, теряла все свое имущество в день свадьбы. И все же под неодобрительными взглядами, которые бросали прохожие на их небольшую группку, Аннабель хотелось упрятать брошюры поглубже в складки одежды. Но она тут же оставила попытки, переключив внимание на леди Люси, секретаря Национального общества за избирательное право женщин, которая уже открыла рот, собираясь произнести вдохновенную речь.

У их предводительницы был обманчивый вид – она казалась эфирным созданием, изящным, как фарфоровая кукла, с идеально причесанными гладкими светлыми волосами и нежным лицом в форме сердечка, но, когда она наставляла своих последовательниц, голос ее разносился по всей площади, напоминая звук берегового маяка.

Что же привело сюда всех этих девушек? Они жались друг к другу, как овцы в бурю, явно чувствуя себя не в своей тарелке, и Аннабель готова была поспорить на свою шаль, что никто из них никоим образом не зависит от комитета по стипендиям. Рядом с ней стояла скромная, ничем не примечательная рыжеволосая девушка с круглыми карими глазами и вздернутым, порозовевшим от холода носом. Однако оксфордская молва утверждала, что эта молодая женщина – мисс Хэрриет Гринфилд, дочь самого могущественного банковского магната Британии. Всесильный Джулиан Гринфилд, вероятно, и понятия не имел, что его дочь борется за права женщин. Гилберта наверняка хватил бы удар, прознай он, чем они тут занимаются.

Мисс Гринфилд держала свои листовки с опаской, как будто они могли ее укусить.

– Определи, подойди, улыбнись, – бормотала она. – Не так уж и сложно.

Да нет, задачка не из простых. Каждый из проходящих мужчин с высоко поднятыми воротниками и низко надвинутыми цилиндрами казался неприступной крепостью.

Девушка повернулась к Аннабель, и их взгляды встретились. Лучше всего сердечно улыбнуться и отвести глаза.

– Вы ведь мисс Арчер, не так ли? Та самая студентка, получающая стипендию? – Мисс Гринфилд смотрела на нее, кутаясь в пурпурный меховой палантин.

Ну разумеется. Людская молва в Оксфорде работала в обоих направлениях.

– Именно так, мисс, – ответила Аннабель.

Интересно, чего же больше в ее вопросе – жалости или насмешки? Оказалось, ни того ни другого. Глаза мисс Гринфилд светились любопытством.

– О, вы, наверное, ужасно умная, раз вам дали стипендию.

– Спасибо, – медленно произнесла Аннабель. – Скорее довольно образованная.

Мисс Гринфилд хихикнула, очень по-детски.

– А я Хэрриет Гринфилд, – представилась она и протянула руку в перчатке. – Вы ведь впервые на собрании?

Леди Люси была так поглощена своей собственной речью о справедливости и Джоне Стюарте Милле¹, что не замечала беседы девушек.

Тем не менее Аннабель понизила голос до шепота.

– Да, впервые.

– Вот здорово, я тоже, – ответила мисс Гринфилд. – Надеюсь, я не ошиблась с выбором. Ведь найти для себя достойное занятие, да еще чтобы оно пришлось по душе, так трудно, не правда ли?

Аннабель нахмурилась.

– Достойное занятие?

– Разве вы не считаете, что у каждого должно быть достойное занятие? Я хотела вступить в Женский комитет по тюремной реформе, но мама не позволила. Тогда я подалась в Королевское общество садоводства, однако это решение было ошибкой.

– Печально.

– Что поделаешь, процесс поиска. – Мисс Гринфилд была невозмутима. – А теперь я чувствую, что права женщин – вполне достойное занятие, хотя, должна сказать, что сама идея подойти к джентльмену и...

– Какие-то проблемы, мисс Гринфилд?

Вопрос прозвучал как выстрел, заставив обеих девушек вздрогнуть, приведя в замешательство. Леди Люси пристально смотрела на них, уперев маленький кулачок в бедро.

Мисс Гринфилд опустила голову.

– Н-нет.

– Нет? А мне показалось, вы что-то обсуждали.

В ответ Мисс Гринфилд лишь пискнула.

Леди Люси была известна крутым нравом, она не брала пленных. Ходили слухи, что она стала причиной дипломатического скандала с участием испанского посла и серебряной вилки...

– Просто немного волнуемся, ведь мы новички в этом деле, – сказала Аннабель, и суровый взгляд леди Люси тут же пронзил ее насквозь.

¹ Джон Стюарт Милль (1806–1873) – британский философ, социолог, экономист и политический деятель. В течение ряда лет являлся членом Британского парламента. Был членом Либеральной партии, а также вторым членом парламента, который в 1832 году призывал дать избирательные права женщинам. (*Здесь и далее прим. перев.*)

Святой боже! Глава суфражисток была не из тех женщин, которые прячут свое настроение за слащавыми улыбками. В обществе, где большинство женщин с пеленок приучены быть домашними солнечными лучиками, эта была настоящей грозой с громом и молниями.

К удивлению девушек, леди Люси ограничилась лишь резким кивком.

– Не переживайте, – сказала она. – Можете работать в паре.

Мисс Гринфилд сразу оживилась. Аннабель натужно улыбнулась. Да им и одной влиятельной персоны на двоих не убедить.

С напускной уверенностью, которой вовсе не ощущала, Аннабель повела напарницу к оживленной, пахнущей лошадьми стоянке наемных экипажей.

– Определите, подойдите, улыбнитесь, – бормотала мисс Гринфилд. – Как вы думаете, мисс Арчер, можно ли это сделать, не привлекая внимания окружающих? Видите ли, мой отец... Не уверена, что он понимает всю важность работы на благо общества.

Аннабель окинула площадь внимательным взглядом. Они находились в самом центре Лондона, рядом с Биг-Беном, в окружении людей, которые, вероятно, все так или иначе имели дело с отцом мисс Гринфилд. Как тут действовать незаметно? Чтобы не привлечь внимания, Хэтти следовало остаться в Оксфорде, что было бы к тому же гораздо приятнее. Приблизившийся к стоянке джентльмен замедлил шаг, уставился на Аннабель, затем обошел ее стороной, скривив губы, как будто наступил на что-то не слишком приятное. Еще одна суфражистка невдалеке, похоже, чувствовала себя не лучше – мужчины с насмешками отмахивались от нее. От этих презрительных жестов горячая волна долго сдерживаемого гнева поднялась из глубины души Аннабель, горло сковало спазмом.

– Не то чтобы мой отец был против прав женщин как таковых... О... – выдохнула мисс Гринфилд.

Она замерла, сосредоточенно глядя на кого-то за спиной Аннабель.

Та обернулась.

Со стороны парламента из тумана вышли трое мужчин. Они направлялись к стоянке экипажей, быстро и решительно, как поезд, мчащийся на всех парах. При мысли, что это именно те, кто им нужен, по спине Аннабель пробежала дрожь.

У человека слева было грубое лицо, неуклюжая фигура, дорогая одежда туго обтягивала его массивные телеса и казалось, вот-вот треснет по швам. Второй больше походил на джентльмена, его мрачное лицо обрамляли большие бакенбарды. Третий был как раз тот, кто им был нужен, – влиятельная персона. Его шляпа была низко надвинута, наполовину скрывая лицо, а хорошо сшитое пальто придавало его осанке особую статью: у него были скорее плечи атлета, а отнюдь не благородная сутулость. В движениях мужчины сквозила спокойная, властная уверенность, которая выдавала в нем хозяина жизни.

Словно почувствовав ее пристальный взгляд, он поднял глаза. Аннабель замерла.

Его глаза поразили ее – ледяные, ясные и блестящие, в них читался холодный, пронзительный ум, способный проникнуть в суть вещей, увидеть собеседника насквозь, прочесть его самые сокровенные мысли, оценить и презрительно отвергнуть.

Внезапно Аннабель показалась себе прозрачной и хрупкой, как стекло. Она отвела взгляд, сердце бешено колотилось. Как хорошо она знала этот тип! Долгие годы в ее душе не утихала боль от обиды, нанесенной подобным мужчиной, который с молоком матери впитал уверенность в себе. Ей вспомнилось, как в его осанке, в выражении лица с прямым, аристократическим носом прямо-таки сквозило превосходство над окружающими. Под его пронзительным взглядом люди съеживались, ощущая свою ничтожность.

Внезапно она поняла, что этого человека нельзя упустить. Ведь цель близка. Им нужно, чтобы влиятельные лица выслушали их. Что ж, она только что сделала первый шаг: определила влиятельное лицо.

Теперь очередь за вторым: решительно приблизиться к нему. Пальцы крепче сжали листовки, ноги понесли ее вперед, наперерез незнакомцу.

Его светлые глаза прищурились.

Шаг третий: улыбнуться.

Внезапный толчок в плечо отбросил ее в сторону.

– Посторонитесь, сударыня!

Тот тип, с грубым лицом. Она и забыла про него, а он чуть не сбил ее с ног. От ужасного толчка мир закачался и Аннабель чуть не упала.

Твердая рука схватила ее за плечо, удержав от падения. Девушка взглянула вверх и наткнулась на холодный взгляд светлых глаз.

Проклятие! Тот самый аристократ!

И, черт возьми, мужчина превосходил все их ожидания. В нем не было ни грамма мягкости, в его броне – ни единой щели. Он был чисто выбрит, совсем светлые, почти белые волосы были коротко подстрижены с боков. Все в его лице было безукоризненно правильным, строгим и значительным: породистый нос, брови вразлет, твердая линия подбородка. Он напоминал гладкий, сияющий айсберг.

Внутри у Аннабель все сжалось. Она оказалась лицом к лицу с редчайшим экземпляром: совершенно неуправляемым мужчиной. От такого нужно бежать как можно скорее! Однако ноги словно приросли к земле. Она не могла оторваться от его глаз. Эти глаза... В их холодных глубинах отражался мир жесткого, независимого и сильного человека. Они притягивали Аннабель, она не отрываясь смотрела в них... пока не осознала, что между ней и незнакомцем будто пробегает электрический разряд.

Губы мужчины приоткрылись. Его взгляд упал на ее рот. Вспышка пламени полыхнула в его глазах, появилась и исчезла, словно молния. Как всегда. Какое бы высокое положение ни занимали мужчины, всем им нравится ее рот.

Усилием воли Аннабель заставила себя выйти из оцепенения и сунула листовку чуть ли не в нос джентльмену.

– Не хотите ли внести поправки в Закон о собственности замужних женщин, сэр?

Невероятно, но его глаза стали еще более ледяными.

– Ваши игры весьма рискованны, мисс.

Голос был такой же холодный и властный, как и его обладатель. Однако ледяной тон скорее раззадорил Аннабель, а не охладил ее пыл.

– Осмелюсь заметить, сэр, что обычно риск довольно низок. Вряд ли найдется так уж много почтенных джентльменов, которые столь грубо толкают женщин среди бела дня, – ответила она. – Будьте любезны, отпустите меня.

Джентльмен поспешно взглянул на собственную руку, которая все еще держала ее за плечо. Его лицо стало непроницаемым. В следующее мгновение Аннабель была свободна. Суэта и шум Парламентской площади снова обрушились на нее, раздражающие, неестественно громкие. Прикосновение сильных пальцев все не проходило, будто боль от ожога.

Надменный тип уже удалялся, глядя вперед, его спутники едва поспевали за ним.

Аннабель с трудом проглотила комок, в горле у нее пересохло. Губы горели, как будто по ним провели пальцем...

Маленькая рука в перчатке коснулась ее рукава, и Аннабель вздрогнула. Карие, широко распахнутые глаза мисс Гринфилд смотрели на нее взволнованно и восхищенно.

– Все хорошо, мисс?

– Да.

Нет. Ее щеки пылали, будто она упала и разбила нос о мокрую мостовую. Дрожащей рукой Аннабель пригладила юбки.

– Ну что ж, – сказала она с фальшивой веселостью, – полагаю, джентльмены не заинтересовались.

Краем глаза она видела, как холодный неприступный лорд и его спутники садятся в большую карету. Тем временем мисс Гринфилд украдкой наблюдала за соратницей с некоторым беспокойством, вероятно, пытаясь определить, не свихнулась ли она. Разумеется, до этого дело не дошло, но нельзя было отрицать, что действовала Аннабель достаточно импульсивно. Господи, помоги ей. Она так давно не была импульсивной.

– Знаете, кто это был? – спросила мисс Гринфилд.

Аннабель отрицательно покачала головой.

– Сам герцог Монтгомери!

Герцог. Надо же, первый же мужчина, которого она попыталась атаковать, оказался герцогом, чуть ли не принцем...

Позади них раздалось быстрое цоканье каблучков. Быстро, словно маленький юркий кораблик, к ним приближалась леди Люси.

– Неужели? – требовательно спросила она. – Неужели вы пытались заговорить с герцогом Монтгомери?

Аннабель выпрямилась.

– Я не знала, что он исключен из списка интересующих нас лиц.

– Не совсем так. Просто раньше к нему никто даже не приближался.

Леди склонила голову набок и оглядела Аннабель с ног до головы.

– Никак не могу решить, кто вы: то ли самая смелая, то ли самая глупая из новобранцев.

– Я же не знала, кто он, – оправдывалась Аннабель. – С виду он самое что ни на есть влиятельное лицо.

– Что ж, вы не ошиблись, – согласилась леди Люси. – Он один из самых влиятельных людей в стране.

– Тогда, возможно, мы не зря попытались поговорить с ним?

– Вы его видели? Этот человек развелся с женой, не прожив в браке и года, присвоив ее приданое, а где сейчас его жена, неизвестно. Поэтому о правах женщин с ним говорить бесполезно, не стоит тратить на него наши без того ограниченные ресурсы.

– Развелся?! – Даже в глухой провинции вроде ее родного Чорливода знали, что в аристократических кругах разводиться не принято. К тому же она не могла отступить так легко. – Насколько же весомо мнение герцога в кругу влиятельных лиц?

Леди Люси фыркнула, совсем не как подобает приличной даме.

– Да он мог бы повлиять на исход предстоящих выборов, если б захотел!

– Пусть он против нас, но ведь это не значит, что мы не должны бороться, есть и другие.

– Разумеется. – Леди Люси нахмурилась. – Но эта крепость не по зубам нашей армии. Ничего не поделаешь.

– А как насчет осады? – спросила Аннабель. – Или какой-нибудь уловки вроде троянского коня?

Две пары глаз вопросительно уставились на нее.

Надо же, она произнесла свои мысли вслух. Похоже, тот тип толкнул ее сильнее, чем она ожидала.

– Что ж, неплохая идея, – задумчиво произнесла леди Люси. – Нужно включить Монтгомери в повестку дня, когда соберемся на следующей неделе. – Она улыбнулась и протянула Аннабель руку. – Зовите меня Люси. И вы тоже, мисс Гринфилд. И прошу меня извинить, кажется, я вижу лорда Чилтерна.

И Люси тут же нырнула в туман, ее красный шарф развевался за спиной, словно знамя.

Мисс Гринфилд повернулась к Аннабель с серьезным выражением лица.

– Вы спасли меня от Люси, она чуть было не откусила мне голову на глазах у всех. Пожалуйста, зовите меня Хэтти.

Все это было немного странно – такая фамильярность сначала со стороны леди, а теперь со стороны богатой наследницы. Аннабель глубоко вздохнула. Вот она, ее новая жизнь – быть студенткой, обращаться к герцогам, пожимать руки сказочно богатым девушкам в пурпурных меховых палантинах. Наверное, в такой ситуации самое правильное вести себя так, будто для нее это обычное дело.

– С удовольствием, – ответила Аннабель. – И ради бога простите, что не смогла держаться в тени.

Веселый смех Хэтти разнесся по площади, вызвав почти столько же возмущенных взглядов, сколько и их листовки.

В тот день им не удалось вдохновить своими идеями ни одного влиятельного джентльмена. В перерывах между робкими попытками взгляд Аннабель то и дело блуждал по площади, уносясь в ту сторону, где исчезла карета с герцогом...

Глава 3

Когда ее величество вызывает к себе, даже герцог вынужден подчиниться. Невзирая на то, что упомянутый вельможа, управлявший одним из древнейших в королевстве герцогств, предпочитал держаться подальше от обезумевшей лондонской толпы. Никто не вправе отвечать королеве отказом, и Себастьян Деверо, девятнадцатый герцог Монтгомери, прекрасно сознавал, что он не был исключением из правила. Каким бы влиятельным ни был человек, ему подобало знать предел своего могущества. Он должен разбираться, в каких ситуациях требуется беспрекословное подчинение, а в каких некоторые вольности вполне допустимы.

Широко шагая, герцог стремительно шел по коридорам Букингемского дворца, с нетерпением подгоняя королевского привратника, препровождавшего его к королеве. Секретарь королевы Лэмбтон и его охранник, как обычно, семенили где-то позади.

Зачем же он понадобился королеве?

В последний раз, когда королева вызвала Монтгомери столь же внезапно, он вышел из ее апартаментов, получив приказ положить конец торговой войне с Османской империей. После чего на какое-то время его жизнь превратилась в ад, он до сих пор окончательно не выбрался из накопившихся бумажных завалов. Однако сейчас он предпочел бы получить даже более важное задание – настолько грандиозное, что его выполнение дало бы ему право попросить кое-что взамен.

Монтгомери передал шляпу и пальто одному из лакеев, выстроившихся вдоль коридора, ведущего в королевские покои.

– Послушайте, – обратился герцог к охраннику Лэмбтона.

– Ваша светлость?

– Толкать ту женщину не было ни малейшей необходимости.

Густые брови охранника нахмурились.

– Там, на площади?

– Да. Или вы толкнули сегодня кого-то еще?

– Э... нет, ваша светлость.

Себастьян кивнул.

– Если я узнаю, что вы снова подняли руку на женщину, вы прощаетесь с вашей службой.

Охранник не был подчиненным герцога. Но если Себастьян хотел, чтобы кто-то потерял должность, он легко мог добиться желаемого. Лихорадочные красные пятна расплзлись по шее охранника. Он почтительно поклонился.

– Слушаюсь, ваша светлость.

В его речи ясно слышался акцент обитателя Ист-Энда. Куда катится империя, если даже для королевского дворца трудно найти приличный персонал?

Большие створчатые двери распахнулись, открыв вход в сверкающий позолотой зал. Лакей почтительно склонился, отступив назад.

– Ваша светлость. Сэр Лэмбтон. Ее величество вас сейчас примет.

Грузная королева поднялась с кресла, шурша жесткими черными юбками.

– Монтгомери. – Она направилась к нему, протягивая унизанную драгоценностями руку. – Рада вас видеть.

Об этом говорили приподнятые в улыбке уголки ее губ. Королева была в хорошем настроении. На этот раз.

– Сэр Лэмбтон, – повернулась она к своему секретарю, – надеюсь, вы добрались без приключений?

Лэмбтон покачал головой.

– Почти, ваше величество. На Парламентской площади нас атаковала феминистка.

Уголки рта королевы резко опустились.

– Вот как!

– Она подошла прямо к герцогу.

– Какая наглость!

– Я цел и невредим, ваше величество, – криво усмехнулся Себастьян.

– На этот раз, – сказала королева. – На этот раз. О, высечь бы их хорошенько. Что за порочные и противоестественные требования! Если эти женщины добьются своего, кто пострадает в первую очередь? Они же сами! Ни один джентльмен в здравом уме не согласится стать защитником столь воинственных созданий, если возникнет такая необходимость. Скажите, Монтгомери, – спросила она, – ведь та девица была до ужаса мужеподобной?

Мужеподобной? У той женщины были самые нежные, самые манящие губы, которые герцог когда-либо видел по эту сторону пролива. От такого рта, как у нее, мужчина может легко потерять голову, представив себе то наслаждение, которое могут доставить эти губы. Но еще более поразительным было то, что она смотрела ему прямо в глаза. У нее были зеленые, слегка раскосые глаза. И очень серьезные, без тени улыбки.

Он отрицательно покачал головой.

– На мой взгляд, она была весьма женственной, ваше величество.

– Хм... – Ответ явно не понравился королеве. – Знаете, что бывает, когда умами простодушинов овладевают грандиозные идеи? Хаос. Беспорядки и хаос. Достаточно посмотреть на Францию. – Она повернулась на каблуках. – Однако с этим мы разберемся потом. Сегодня у нас дела поважнее.

Себастьян напрягся. *Поважнее* звучало многообещающе. У нее или ее племянника было кое-что, принадлежащее ему, и вернуть это удастся, только предложив взамен нечто еще более ценное. За шестнадцать лет, что он был герцогом Монтгомери, ничего такого пока не нашлось. Оно и понятно. Держать герцога в узде, каким бы покорным он ни был, гораздо легче, имея права на родовое гнездо, которое восемь столетий принадлежало его семье.

Королева величественно опустила в кресло, будто на трон.

– Вы редкий человек, Монтгомери, – начала она. – Вы оцениваете ситуацию, принимаете решения и действуете, причем весьма эффективно и, что удивительно... без всякой помпы, скромно. – Она потрогала украшенное бриллиантами распятие, свисавшее с ее ожерелья. – А я так ценю скромность...

Герцог почтительно наклонил голову в знак согласия. На самом деле скромность была ему отнюдь не свойственна. Просто он обладал чувством меры, и это всегда приносило результаты. Королева была не первой, кто неправильно истолковал его сдержанность.

А затем она сказала:

– Я хочу, чтобы вы были главным стратегическим советником партии тори в предвыборной кампании.

Воспитание предписывало герцогу сохранять невозмутимое выражение лица, но внутри у него все вскипело.

– В предстоящей?

Королева нахмурилась.

– Да. У них что-то не задалось. Либеральная партия неожиданно вырвалась вперед.

Ничего удивительного, если взглянуть на вещи трезво, а не через розовые очки партийной идеологии Дизраэли. Только королева питала нелепую слабость к премьер-министру, этому презренному выскочке, и вот теперь просит его, Себастьяна, сохранить этого человека у власти...

Немецкие часы с кукушкой на каминной полке отсчитывали судьбоносные секунды, пока он прокручивал в голове имеющиеся факты. Выборы состоятся в марте, до них осталось чуть больше пяти месяцев. Недостаточно, чтобы в корне изменить ситуацию, тем более когда при этом тебе приходится управлять десятью поместьями, ты с головой погружен в решение стратегических вопросов и на тебе нерадивый брат, за которым нужен глаз да глаз. Почему же королева желает, чтобы ход выборов изменил именно он? Причем весьма радикально. Ему всего тридцать пять, а он уже один из самых влиятельных советников королевы, потому что всегда безукоризненно выполняет свои обязанности.

Монтгомери встретился с ней взглядом.

– Весьма польщен, но ведь я не политик, ваше величество.

Королева напряглась.

– Оставьте нас, Лэмбтон, – приказала она.

Ее лицо помрачнело, как только дверь за секретарем захлопнулась.

– Вы настоящий политик, хотя и не считаетесь таковым, вдобавок прирожденный лидер, это бесспорно, – сказала она. – Ваши общественные инициативы неизменно весьма успешны.

– В настоящее время я слишком занят текущей работой, чтобы полностью посвятить себя политическим задачам, ваше величество.

– Что ж, весьма прискорбно, – ответила королева холодно и, не дождавшись ответа, спросила: – Скажите, может ли что-либо заставить вас изменить свои приоритеты?

Она не столько просила, сколько провоцировала его. На то, чтобы он наконец осмелился выдвинуть свои требования королеве Англии.

Взгляд Себастьяна не дрогнул.

– Я трачу массу времени и усилий, убеждая Хартфорда продать мне замок Монтгомери, – ответил он. – Если бы мне помогли в переговорах и он вернул бы мне родовое гнездо, я смог бы выкроить время, чтобы дать тори дельный совет.

Глаза королевы сузились.

– *Продать* вам замок? Прежде всего хочу заметить, что мы не припоминаем, чтобы он был куплен должным образом. – Из-под ее непроницаемых юбок слышалось быстрое постукивание маленькой ножки. – Напомните нам, Монтгомери, каким образом ваше фамильное владение оказалось в руках моего племянника?

Что ж, своей дерзостью он заслужил этот вопрос.

– Мой отец проиграл его маркизу в карты, ваше величество.

Брови королевы поднялись в притворном удивлении.

– Ах вот как... В таком случае не преувеличиваете ли вы его ценность? Ведь ваш отец счел возможным поставить его на кон в карточной игре, стало быть, замок не имел для него особого значения, не так ли?

– Безусловно, так, но ведь я не мой отец.

Постукивание ноги прекратилось. В зале повисла напряженная тишина. В течение многих лет королева лишь наблюдала, как он пытался собрать воедино наследие своей семьи, никогда не препятствуя, но и не помогая ему. За исключением одного раза, подозревал герцог, – когда он развелся с женой и справился с проблемой на удивление легко.

– Разумеется, – сказала королева. – Поэтому я и хочу, чтобы именно вы взяли на себя руководство кампанией.

– Ваше величество...

Она резко подняла руку.

– Хорошо. После выборов Хартфорд предложит вам цену.

Тело Монтгомери напряглось, будто он ударился о землю, у него перехватило дыхание.

– Зависит ли его предложение от исхода выборов? – Ему удалось справиться с волнением.

Нужно было четко понимать условия.

Королева усмехнулась.

– Разумеется, зависит. Конечно, победа в руках высших сил, последнее слово за ними, но разве она не послужит неким знаком, подтверждением того, что замок действительно должен вернуться к вам?

Когда Монтгомери встал и направился к дверям, его мысли уже устремились в будущее, он перекраивал свои планы на ближайшие месяцы...

– Герцог...

Он медленно повернулся.

Королева откинулась на спинку кресла, в ее голубых глазах горел злобный блеск.

– Кампания должна увенчаться успехом, – сказала она, – при этом ваше поведение должно быть безупречным.

Он спрятал хмурый взгляд. Его поведение было настолько образцовым, все поступки выверены так тщательно, что даже развод не смог сокрушить его репутацию.

– Ходят слухи, что вы ведете себя весьма странно, – сказала королева. – Однако слыть нелюдимым отшельником не пристало мужчине, которому еще нет и сорока, не так ли?

– Согласен...

– Вас почти никогда не бывает на приемах. Вы не устраиваете обедов, избегаете общества. Но, как известно, политика делается именно на балах и раутах. А вы не устраивали новогодний бал ни в прошлом году, ни в позапрошлом.

В позапрошлом году потому, что все подобные дела были в ведении герцогини...

Он стиснул зубы. Не было никаких сомнений, к чему клонит королева.

– Когда я была девочкой, новогодний бал у Монтгомери славился на весь континент, – продолжила королева. – Ваш дед устраивал роскошные, незабываемые фейерверки. Конечно, тогда все происходило в родовом замке Монтгомери, но и Клермонт вполне подойдет.

– Так вы желаете, чтобы я устроил новогодний бал? – Его голос был сух и бесстрастен.

Королева радостно хлопнула в ладоши.

– В самом деле, почему бы нет. Конечно, гости получают приглашения несколько поздно, но я уверена, они изменят свои планы. Никто не захочет, чтобы в свете думали, будто их не пригласили на главный бал года. Так что исполните свой долг, герцог. Устройте бал. Повеселитесь от души.

«Повеселитесь от души», – издевательски выстукивали колеса поезда, мчащегося в Уилтшир. Себастьян оторвал взгляд от темнеющего горизонта.

Рэмси только что разложил блокнот, ручку и промокашку на узком столе и уже собирался удалиться в купе для слуг.

– Рэмси, составьте список людей, которые займутся организацией новогоднего бала.

Вышколенный камердинер не смог скрыть удивления, его глаза расширились.

– Слушаюсь, ваша светлость.

– Нужно устроить фейерверк, расходы не имеют значения.

– Понял, ваша светлость.

– Что касается самого бала, – мрачно добавил Себастьян. – Мне нужны идеи к следующей неделе.

– Непременно, ваша светлость. – Рэмси сунул руку в карман пиджака и достал тонкий серебряный портсигар. Он положил его рядом с промокашкой и отступил.

Себастьян взялся за перо. Что ж, план королевы испортить ему настроение удался. Вроде бы не наказание – подумаешь, домашний праздник, однако она прекрасно знала, как раздражали его балы: шум, духота, бессмысленная болтовня, толпа посторонних в доме, работа стоит. И рядом не было герцогини, которая взяла бы на себя все хлопоты, поддерживала бы великосветские беседы с гостями. Монтгомери замер. Уж не в этом ли состояло истинное намерение королевы – заставить его почувствовать, как трудно без жены?

Он отложил ручку и потянулся за сигаретами. К чему напоминать ему об этом? Мужчина его возраста давно должен иметь жену-герцогиню, управляющую домом, и целую стаю сыночек, путающихся под ногами. Каждая светская матрона, без сомнения, тоже думала именно так. Где бы он ни появлялся, великосветские мамы наперебой подсовывали ему своих дочерей-дебютанток – семнадцатилетних девушек, которые соперничали между собой, стремясь стать следующей герцогиней Монтгомери. Все они боялись даже взглянуть ему в лицо. Его губы изогнулись в сардонической улыбке. Если бы одна из них стала его женой, ей пришлось бы вынести гораздо больше, чем его взгляд...

Внезапно ни с того ни с сего в его памяти промелькнул ясный взгляд зеленых глаз. Та женщина на площади... Она смотрела ему прямо в глаза. *Дала ему отпор!* Никогда еще дамы, с которыми он был знаком, не осмеливались возражать ему, а тут женщина гораздо ниже его по положению позволяет себе такое? Непостижимо! И все же Зеленоглазая осмелилась. Она отбилась от стада, от той безликой массы простолюдинов, которая обычно маячила где-то вдалеке и с которой он никогда не имел дела, и встала прямо у него на пути. Наглая, самонадеянная девчонка! Не иначе как сумасшедшая.

Герцог открыл свой блокнот, перо забегало по бумаге, и для него исчезло все, кроме главного. Замок Монтгомери. Подарен первому герцогу за услуги, оказанные во время битвы при Гастингсе, проигран восемнадцатым герцогом в карты. Себастьян вернет его, даже если это будет последнее, что он делает в этой жизни.

Глава 4

– Вы какая-то рассеянная, мисс Арчер.

Профессор строго взглянул на Аннабель поверх очков в металлической оправе. Казалось, он видел ее насквозь. Девушка смутилась и почувствовала себя виноватой. Все в Дженкинсе – залатанный твидовый пиджак, высокий лоб, серьезное нахмуренное лицо – выдавало блестящего ученого. Ему было всего сорок, но, по всеобщему признанию, никто лучше его не разобрался в истории войн Древней Греции. И если уж где и стоило быть предельно внимательной, так это у него на утренних занятиях.

Аннабель с раскаянием посмотрела на друга своего покойного отца, с которым тот переписывался долгие годы.

– Прошу прощения, профессор.

Он пригнулся к столу и прошептал:

– Все из-за этого проклятого вязания, не так ли?

– Что?

– Это вязание, – повторил он, злобно глядя на миссис Форсайт. – Бесконечные шелк-шелк... С ума можно сойти, как от протекающего крана.

Щелканье за спиной Аннабель резко прекратилось, в комнате повисла напряженная тишина. Оскорбленная миссис Форсайт застыла от изумления, Аннабель съежилась. Женщина была справедливо возмущена – в конце концов, Аннабель платила ей шесть пенсов в час именно за то, чтобы она сидела здесь, потому что без компаньонки обойтись было нельзя. Единственное, в чем оказался прав Гилберт, черт бы его побрал. Студенткам не разрешалось выходить в центр города без сопровождения, и, уж конечно, они не могли оставаться наедине с профессором. Кандидатуру компаньонки должна была одобрить сама ректор колледжа. Миссис Форсайт, пожилую элегантно одетую вдову, сочли вполне подходящей кандидатурой.

Но если Дженкинса раздражает позвякивание спиц, нужно что-то придумать. В конце концов, он настоящий титан науки. На его уроках перед ней открывались загадки былого, прошлое становилось реальностью, а не просто истлевшими страницами древних фолиантов, его выдающийся интеллект давал пищу ее собственному разуму. Ради ее обучения профессор взял на себя труд приходить сюда, на Литтл-Кларендон-стрит, в комнату с разномастной мебелью прямо над пекарней. Такое помещение университет предоставил для занятий девушкам-студенткам.

Пекарня! Вот в чем дело. Ее отвлекало не вязание, а теплый дрожжевой запах свежеспеченного хлеба, доносившийся сквозь щели в двери...

Внизу по улице с грохотом проехала телега.

Профессор раздраженно захлопнул свой экземпляр Фукидида.

– На сегодня все, – сказал он. – Надеюсь, к завтрашнему дню вы представите новую оригинальную трактовку этой главы.

Завтра? Вся радость от его добрых слов тут же исчезла – *завтра* означает еще одну бессонную ночь за учебниками. В Оксфорде такое случалось даже чаще, чем в Чорливоде.

Убирая ручку и блокнот в сумку, Аннабель украдкой наблюдала за Дженкинсом. Когда после долгих лет сухой научной переписки она наконец встретилась с ним лично, то была удив-

лена молодежавым видом профессора. Он был худ и долговяз, а благодаря образу жизни, проходившей главным образом в тускло освещенных архивах, на лице его почти не было морщин. Характер у него был неровный – он то погружался в свои мысли, ничего не замечая вокруг, то становился раздражительным и резким, как хлыст. Найти общий язык с таким человеком – непростая задача.

Внизу звонко стукнулись друг о друга металлические формы для выпечки.

Дженкинс ущипнул себя за переносицу.

– В следующий раз приходите ко мне в Сент-Джонс, – сказал он.

Сент-Джонс. Один из старейших и богатейших колледжей Оксфорда. Говорят, только одна его коллекция вин стоит целое состояние.

– Только никакого вязания, – добавил Дженкинс, – понятно?

Аннабель торопливо шла по району Сент-Джайлс в сопровождении все еще недовольной миссис Форсайт. Они опаздывали на собрание суфражисток. Как бы хотелось Аннабель побродить не спеша по улице, полюбоваться очаровательными домиками из песчаника. Древние камни старинных строений так много видели, хранили так много тайн... На днях она заглянула в одну из причудливых средневековых дверей в стене, ведущую в один из мужских колледжей, и мельком увидела прелестный садик, маленький островок, полный необычных деревьев, поздних цветов, с укромными уголками, таящимися среди растений, как драгоценный камень в шкатулке для драгоценностей. Быть может, когда-нибудь она найдет способ проникнуть внутрь...

На этой неделе суфражистки собирались в «Рэндольфе». Хэтти и ее двоюродная бабушка, выступающая в роли компаньонки, сняли в роскошном отеле апартаменты и любезно предложили устроить там собрание. Для их небольшой ячейки вполне хватило бы общего зала колледжа Леди-Маргарет-Холл, но ректор, мисс Вордсворт, запретила любую политическую деятельность на территории университета. «Я закрою глаза на источник вашей стипендии, – сказала она Аннабель во время их первой встречи, – но надеюсь, вы не станете злоупотреблять доверием университета».

Все-таки странная она, эта мисс Вордсворт, – платит преподавателям из собственного кармана, чтобы дать женщинам образование, но помогать им в борьбе за право голоса не считает нужным.

– Никак не могу взять в толк, чего же именно пытается добиться ваша группа, – спросила, задыхаясь, миссис Форсайт.

Ах, как же она напоминала тетушку Мэй, которая постоянно ворчала! «Никак не могу взять в толк, чего именно пытался добиться мой племянник, давая тебе столь чрезмерное для женщины образование». Каждый день в течение долгих зимних месяцев, которые они провели вместе на севере, тетушка постоянно бормотала себе под нос что-то в этом роде. Не из-за этого ли сходства Аннабель и выбрала миссис Форсайт из числа одобренных ректором компаньонки? Краем глаза она посмотрела на пожилую даму. Даже внешне она немного напоминала тетушку Мэй и так же носила на кончике носа маленькие очки...

– Мы требуем, чтобы в Закон о собственности замужних женщин внесли поправки, – объяснила Аннабель, – чтобы собственность сохранялась за женщинами после вступления в брак.

– Но зачем? Разве жена и без того не располагает всем имуществом мужа?

– Однако записано оно вовсе не на имя жены, – осторожно заметила Аннабель. – И поскольку голосовать могут только люди, чье имущество оформлено на них самих, собственность должна сохраняться за женщиной.

Миссис Форсайт неодобрительно поцокала языком.

– Ну, теперь-то мне ясно, почему такая красивая девушка, как вы, осталась старой девой. Вы не только слишком погружены в ваши книжки и оторваны от жизни, но еще и ярая политическая активистка. Все это совершенно неприемлемо для жены.

– Так и есть, – только и сказала Аннабель, потому что возражать не имело смысла.

Действительно, ни для одного из знакомых мужчин она не стала бы подходящей женой. Вероятно, она поняла это с тех самых пор, как из книг узнала об Ахилле, Одиссее, Ясоне, полубогах и людях, которым по силам пересечь семь морей. О мужчинах, с которыми она с удовольствием пустилась бы в странствие. Возможно, если бы отец выбрал дочери для чтения «Спящую красавицу» вместо «Илиады», ее жизнь сложилась бы иначе.

Собрание в «Рэндольфе» должно было вот-вот начаться. У небольшой трибуны оратора Люси что-то искала у себя в сумке. Дюжина дам болтали, стоя кружком вокруг камина из розового мрамора, над которым висело огромное зеркало в золоченой раме. Сусальное золото, догадалась Аннабель, передавая пальто горничной.

Хэтти отсутствовала. Все кресла были заняты. Свободной оставалась лишь половина маленького дивана. Другую занимала девушка, закутанная в старый потертый плед. Аннабель помнила этот плед. И эту девушку. Она тоже была на Парламентской площади, а зовут ее леди Катриона Кэмпбелл. Она была не студенткой, а помощницей своего отца, Аластэра Кэмпбелла, оксфордского профессора и к тому же шотландского графа, владельца замка в Хайленде. И вот теперь эта леди неожиданно и неловко помахала ей рукой и подвинулась, чтобы освободить место.

Аннабель направилась к дивану, чувствуя на себе насмешливые взгляды. Да уж, ее уличное платье не отличалось новизной, да и фасон был самый простой. Среди дам в шелковых, модному узких платьях она, должно быть, выглядит как нелепый анахронизм ушедшей эпохи. *Хотя по сравнению с шалью, напоминающей клетчатый плед... вполне прилично.*

Она осторожно опустилась на бархатный диван.

– Мы, кажется, еще не знакомы, – сказала она леди Кэмпбелл. – Я Аннабель Арчер.

Леди совсем не была похожа на дочь графа: круглые очки скрывали половину лица, волосы цвета воронова крыла собраны в небрежный пучок. И эта шаль... В ней мисс Кэмпбелл напоминала черепаху в панцире.

– Я о вас слышала, – ответила леди. – Вы та девушка, которой дали стипендию.

Благодаря мягкому шотландскому акценту ее слова прозвучали ласково, совсем не официально. Улыбка Аннабель, видимо, ободрила соседку, потому что из-под пледа показалась ее рука.

– Катриона, – представилась девушка. – Видела, как вы обратились к герцогу Монтгомери на прошлой неделе. Какая же вы храбрая!

Аннабель рассеянно пожала протянутую руку. Монтгомери... Имя герцога воскресило в памяти его образ – надменное аристократическое лицо, холодные глаза, сильные пальцы на своем плече... Она не испытывала гордости от встречи со столь важной персоной, но все же его личность так занимала ее, что она почитала о нем в «Летописи британской аристократии». Как и у всякого истинного герцога, его родословная восходила к временам Вильгельма Завоевателя, вместе с которым его предки вторглись в 1066 году в Англию и изменили лицо всей страны. В течение многих веков семья Монтгомери накапливала все больше земель и богатела. Себастьян стал герцогом в девятнадцать лет. Слишком юный возраст для того, чтобы получить во владение значительный кусок страны, но, вспоминая самодовольную властность герцога,

Аннабель не могла представить его мальчиком. Казалось, он, как белокурый греческий полу-бог, появился на свет уже взрослым, вполне сформировавшимся.

– Дамы! – Люси шлепнула толстой стопкой бумаг по трибуне оратора. Удовлетворенная тем, что все головы повернулись в ее сторону, она мрачно оглядела группу и продолжила: – Теперь наша нелегкая миссия стала еще более трудной. Герцог Монтгомери назначен новым советником избирательной кампании тори.

Вот уж правда, дьявола помянешь...

Вокруг поднялся ропот потрясенных голосов. Аннабель знала, что лишь немногие тори соглашались с предоставлением избирательного права женщинам, в то время как среди их противников либералов большинство выступало за. Стало быть, герцог представлял вражескую сторону.

Люси вышла из-за трибуны со своими бумагами.

– Исключительные обстоятельства требуют радикальных мер, – говорила она, раздавая листки. – Поэтому я предлагаю отныне встречаться с депутатами в их кабинетах. Нужно только заранее узнать как можно больше об этих мужчинах: их симпатии, антипатии и, самое главное, их слабости. Изучив всю подноготную, мы найдем подход к каждому. Он считает себя экспертом по вопросам правосудия? В спорах с ним цитируйте Платона. Он уверен, что его дети пострадают, если жена получит право голоса? Приведите примеры, какими замечательными матерями могут быть независимые женщины. Короче говоря, дамы, изучите своего врага досконально.

Аннабель кивнула. Разработать стратегию и манипулировать мужчиной – обычно такой способ оказывался весьма действенным.

Листок, который протянула ей Люси, был аккуратно разделен на графы: общие характеристики... голосование по значимым вопросам... участие в громких скандалах... *болевые точки*. Такие подробности вряд ли известны широкой публике. Придется рыться в скандальных газетах и публичных отчетах – вот только где взять время? Учеба, работа репетитором, с помощью которой она имела возможность платить Гилберту, отнимали у нее все силы, она и так корпела над заданиями до глубокой ночи.

Дверь в прихожую скрипнула, и в комнату на цыпочках прокралась Хэтти. Люси осуждающе взглянула на нее, девушка ответила ей извиняющейся улыбкой и, окутанная шлейфом дорогих духов, устроилась рядом с Аннабель.

– Доброе утро, Катриона, Аннабель, – прошебетала она. – Извините, что опоздала. Я что-то пропустила?

Аннабель протянула ей листок.

– Мы собираемся шпионить за влиятельными персонами.

– Как интересно! О, да тут получится потрясающий справочник по самым завидным холостякам!

Возмущению Люси не было предела.

– Завидные холостяки? Так вот чем заняты ваши мысли! Зачем же вы пришли к нам на собрание?

Хэтти виновато шмыгнула носом.

– Любой жених перестает быть завидным, когда после свадьбы становишься его собственностью, – мрачно заметила Люси.

– Никто не спорит, но в чем-то она права: всю подноготную женихов знают как раз те мамы, у кого дочери на выданье. У них-то и можно разузнать кое-что. – Сидевшая напротив леди Мейбл осмелилась возразить Люси.

– Любые способы подойдут, – согласилась Люси. – Кроме брака.

– А вы уверены, что депутаты нас примут? – спросила Катриона.

– Выборы в марте. И, как водится, накануне выборов политики всегда стараются вести себя как можно более демократично. – Люси повернула к Аннабель нежное лицо эльфа и посмотрела вопросительно. – А что думаете вы о нашем плане?

– Превосходная идея, – ответила Аннабель вполне искренне.

Люси удовлетворенно улыбнулась.

– Все благодаря вам. Вы вдохновили меня. Увидев, как смело вы подошли к Монтгомери, без всяких церемоний, как к простому смертному, я будто со стороны взглянула на нашу работу.

– Разузнать о Монтгомери хоть что-нибудь будет сложно, – сказала Хэтти. – Все, что о нем известно, – вроде бы он разведен и мечтает вернуть их фамильный замок. Но в светских хрониках о нем ни одного упоминания, а ведь я прочитываю их все от корки до корки.

Люси сморщила нос.

– Ну, ведь он любимец королевы, вот пресса и не смеет его трогать. Нет, когда речь идет о Монтгомери, нужны решительные меры. Катриона, разве вы не занимаетесь с его братом? Лордом Деверо?

Катриона покачала головой.

– Это было в прошлом семестре, мы изучали иероглифы.

– Вот и отлично, – сказала Люси. – Придумайте, как встретиться с ним будто бы случайно, пококетничайте, завлеките его...

Катриона отпрянула.

– Я? О нет!

Глаза Люси сузились.

– Почему сразу нет? Ведь вы уже знакомы.

– Я учила его иероглифам, – пробормотала Катриона, – а это совсем не то, что...

– ...Завлекать, – подсказала Хэтти.

– Ну...

Катриона попыталась спрятаться в свой плед, словно черепаха в панцирь.

– Что ж, – резко сказала Люси. – Тогда это сделает Аннабель.

Аннабель подняла глаза, удивленная и немного встревоженная.

– Я?

– Надеюсь, ты не против?

– Боюсь, у меня нет причин представиться его светлости.

Люси нетерпеливо возразила.

– Тебе и не нужна причина. Ты из нас самая красивая. Просто изобрази, что его речи произвели на тебя впечатление, смотри ему в рот, и молодой человек сам выложит все секреты, даже не догадавшись об этом.

– Я не... – начала Аннабель, но Хэтти оборвала ее, радостно всплеснув руками.

– Ах, и правда! – зашебетала девушка. – Ты в самом деле очень хороша, такое дивное лицо! Как бы мне хотелось, чтобы ты позировала для моей Елены Троянской. Ты не против?

Аннабель удивленно заморгала.

– Что-что?

Хэтти протянула к ней руки и пошевелила пальцами.

– Я занимаюсь живописью. Слава богу, сейчас я в перчатках. Видела бы ты мои руки! Во всей Англии не найдется ужасней!

«Еще как найдется. Видела бы ты мои, – подумала Аннабель. – Мозоли не исчезнут никогда».

– Для меня большая честь позировать тебе, – ответила она, – но вряд ли я сумею выкроить для этого время.

– Ну, картиной я собираюсь заняться в следующем семестре, – сказала Хэтти, и ее круглые глаза стали умоляющими.

Их разговор прервало покашливание Люси.

– Итак, Перегрин Деверо, – сказала она. – Найдите способ познакомиться с ним.

Девушки обменялись неуверенными взглядами.

– Но если нам кое-что нужно от лорда Деверо, мы должны предложить ему что-то взамен, – сказала Аннабель, начиная с очевидного.

– Можно ему заплатить, – предложила Хэтти через мгновение.

Аннабель покачала головой.

– Вряд ли он нуждается в деньгах.

– Молодые люди всегда нуждаются, – сказала Хэтти, – но ты права, за деньги он, может, и не согласится болтать о своем брате.

– Может, лучше подобраться поближе к самому Монтгомери?

Хэтти нахмурилась.

– Но как? Он всячески избегает общества.

Наступила тишина, все задумались.

– Я думаю, есть кое-что, что могло бы заинтересовать лорда Деверо, – тихо сказала Катриона.

Хэтти наклонилась к ней.

– Что же?

Катриона изучала свои руки.

– Их общество любителей выпивки не прочь получить ключ от винного погреба колледжа Сент-Джонс.

Хэтти тяжело вздохнула.

– Ну еще бы. Разумеется, не прочь.

У Аннабель кровь прилила к щекам. В каждом колледже Оксфорда имелись общества любителей выпить, которые соревновались между собой, устраивая безобразные пьянки. Слухи о подобных бесчинствах достигли даже деликатных ушей студенток. Говорили, что победа в соревновании ценится больше, чем диплом с отличием, а возглавить список пьяных дебоширов так же почетно, как выиграть лодочную гонку у Кембриджа. Таким вот образом развлекались отпрыски самых знатных семей.

– Но как же нам заполучить ключ? – спросила Аннабель.

Катриона подняла на нее глаза.

– У моего отца.

Как член совета колледжа Сент-Джонс профессор Кэмпбелл имел в распоряжении множество ключей.

Аннабель почувствовала, как ее губы расплзаются в улыбке. А Хэтти сейчас напоминала кошку, готовую совершить набег на клетку с канарейками.

– Боже помоги, – сказала Катриона. – Только бы наши усилия не пропали даром.

Солнце уже село, когда Аннабель поднялась по скрипучей лестнице в свою комнатку в Леди-Маргарет-Холл. В ее группе было всего восемь других студенток, одна из которых, а именно Хэтти, жила в «Рэндольфе», поэтому все остальные легко помещались в скромном кирпичном доме на окраине города. Обстановка здесь совсем не походила на роскошные интерьеры отеля. Тем не менее теплое чувство переполнило Аннабель, когда она ступила на порог своей комнаты. Тусклый свет газовой лампы отбрасывал золотистый отблеск на узкую кровать

у левой стены, справа стоял шкаф, а прямо перед окном – шаткий письменный стол. *Ее* стол. Где она могла погрузиться в мифы Древней Греции и разбирать тексты на латыни. *Ее* кровать. Где Аннабель могла спать одна, где ее не пинала детская нога, где с нее не стягивала одеяло одна из дочерей Гилберта. Стоило лишь прикрепить на дверь снаружи записку с просьбой не беспокоить, и ее не тревожили.

Аннабель крепко обняла себя за плечи. Все же это настоящий подарок судьбы – собственная комната. И, конечно, Аннабель не упустит свой шанс, будет самой прилежной и внимательной студенткой.

Но тут же у нее вырвался тяжелый вздох. Ведь ей предстоит помочь суфражисткам проникнуть в дом самого могущественного герцога в Англии.

Глава 5

Ноябрь

Прибыв в Клермонт, Себастьян обнаружил письмо из Оксфорда. Прочитав его, он гневно уставился на Перегринна.

– Ты больше не посещаешь занятия!

– Да, сэр.

– Не оплатил обучение в этом семестре.

Перегрин нервно провел рукой по волосам, однако они так и остались безнадежно растрепанными.

– Не оплатил.

Значит, его попытка научить разгильдяя брата управлять собственными финансами не увенчалась успехом. Напрасно он открыл счет на его имя.

– И не далее как сегодня утром Уэзерли вынужден был забраться на только что покрытую позолотой водосточную трубу в Сент-Джонсе, потому что ты гнался за ним с мечом.

– С рапирой, – пробормотал Перегрин, – а Уэзерли сам виноват.

Себастьян бросил письмо на стол, который уже был заставлен аккуратными стопками бумаг, срочных и важных. Когда со всем этим разбираться? Перегрин не глуп и давно уже не маленький мальчик. Казалось бы, нелепые поступки, присущие безмозглым юнцам, должны остаться в прошлом, однако вот уже год младший брат вел себя как глупый мальчишка, создавая проблемы, не поддающиеся никакой логике.

– Ты был пьян?

Перегрин заерзал на стуле.

– Нет. Один виски, ну, может, два.

Если брат признался в двух виски, количество выпитого можно смело удваивать. Причем пил уже с утра. Что ж, как говорится, яблоко от яблоньки...

– Я разочарован. – Тон Монтгомери был ледяным.

Краска залила нос и скулы Перегринна, придав ему совсем мальчишеский вид. Однако ему почти девятнадцать, он вполне взрослый мужчина. В его годы Себастьян уже стал герцогом. И ему казалось, что он никогда не был столь юным, как Перегрин.

Его взгляд скользнул поверх головы брата, к стене. Шесть картин с видами семейных владений висели справа от двери, одна, изображающая фамильный замок Монтгомери, все еще слева. Шестнадцать лет назад он приказал повесить все картины с левой стороны. Они были призваны ежедневно напоминать ему о тех поместьях, которые его отец потерял, продал или привел в запустение за время своего короткого герцогства. Конечно, наследие семьи уничтожалось десятилетиями и большую часть родовых владений пустил на ветер еще его дед. Но у отца был выбор: остановить финансовый крах, нависший над фамильными угодьями, или сдаться. Отец решил сдаться, при этом действуя так, как свойственно всем Монтгомери, – жестко и весьма результативно. Тем тяжелее дался Себастьяну процесс возвращения фамильных земель – он представлял собой нескончаемую череду уговоров, увещеваний, нижайших просьб об одолжениях и пожертвованиях, а также поправки традиций. И в чем-то Себастьян

понимал свою мать, переехавшую во Францию, ее стремление отдалиться от сына, который стал таким, каков он сейчас, – герцогом с помыслами торгаша. Готовым на все, лишь бы вернуть замок. Не то чтобы он чувствовал какую-то особую привязанность к этому месту. Замок был мрачным и неуютным, продувался насквозь сквозняками, с ужасным водопроводом. Его возвращение в собственность семьи не сулило ничего, кроме лишних расходов. Но Себастьян считал своим долгом вернуть фамильное владение в семью. В марте картина с замком Монтегомери наконец-то окажется по правую сторону от двери. Как же некстати его младший приемник вздумал вести себя, как какой-то деревенский олух!

Герцог сурово посмотрел на Перегрину.

– Полагаю, плата за обучение потрачена на пьянки с друзьями?

– Да, сэр. – Он помолчал. – А еще... я несколько раз играл в карты.

В лице Себастьяна угадывался едва сдерживаемый гнев.

– А как насчет женщин?

Лицо Перегрину покрылось пятнами.

– Вы не вправе ожидать от меня столь откровенных признаний, – пробормотал он.

В глубине души Себастьян был согласен с ним: личная жизнь брата его не касалась. Но мало ли какая авантюристка, изо всех сил стремящаяся в высшее общество, могла взять в оборот богатого, глупого молодого лорда.

– Знаешь, как обычно бывает? – сказал он. – Если ты связался с какой-нибудь девицей без роду без племени, будь уверен, она тебя обчистит.

– Никого у меня нет, – сказал Перегрин, и по его раздраженному тону стало совершенно ясно, что кто-то есть.

Себастьян тут же подумал, что надо бы поручить своему человеку прочесать полусвет, отыскать эту мадам и убедить ее перенести свои алчные устремления на другого болвана.

Он постучал пальцем по письму.

– Компенсацию за водосточную трубу я вычту из твоих карманных денег.

– Понятно.

– Во Францию со мной не поедешь, останешься здесь и будешь учиться.

Секундное замешательство, за которым последовал угрюмый кивок.

– А на время новогоднего праздника уедешь в Пендерин.

Брат побледнел.

– Но...

Одного взгляда герцога было достаточно, чтобы Перегрин смирился с отъездом, но на шее у него напряглись жилы. Он, как ни странно, очень любил домашние празднества и фейерверки. Ему нравилось, когда вокруг все бурлило, настроение у него сразу же поднималось, и, конечно, он страшно обрадовался, узнав, что в замке снова устроят новогодние торжества. В поместье в Уэльсе, куда его отправляли, никогда не бывало ничего подобного.

– Пусть меня лучше высекут, только разрешите остаться. Пожалуйста, – попросил Перегрин.

Себастьян нахмурился.

– Высечь? В твоём-то возрасте? Не пойдет. Кроме того, тебе нужно хорошенько подумать о своём идиотском поведении, а на это требуется гораздо больше времени, чем несколько минут порки.

Пегррин опустил взгляд в пол, но Себастьян успел заметить, как вспыхнули глаза брата. Не зная он его лучше, принял бы вспышку за ненависть. Герцог почувствовал себя задетым за живое.

Шестнадцать лет он воспитывал Перегрину и, должно быть, где-то что-то упустил, потому что брат рос совсем не таким, каким ему следовало быть. Или...

Что, если его истинная натура проявляется все ярче и Перегрин просто становится самим собой? Никчемным человеком вроде их отца.

Пока я жив, этому не бывать.

Перегрин все еще сидел, склонив голову. Его уши пылали.

– Теперь можешь идти, – сказал Себастьян. – И до конца семестра не показывайся здесь.

Перегрин Деверо оказался совсем не таким, как ожидала Аннабель. Русоволосый, с искрящимися карими глазами, он выглядел совсем мальчишкой, открытым и дружелюбным... даже симпатичным. Совсем не таким, как его брат.

Аннабель, Хэтти и Катриона встретили его в Сент-Джонсе. Молодой человек стоял, прилонившись к одной из колонн, держа наполовину выкуренную сигарету, которую при их приближении вежливо погасил.

Он смотрел на их маленькую группу с легким смущением.

– Дамы, возможно, я слишком рано радуюсь, – сказал он, – но с этим ключом мы сможем заткнуть за пояс все питейные общества Оксфорда. Потому я с содроганием думаю, какую же цену вы запросите. Что хотите взамен? Золотое руно? Голову на блюде? Мою душу?

Он произнес свою тираду легко и бойко, несколько наигранным тоном. Точно так же разговаривали молодые лорды на званых обедах у хозяина поместья, которые Аннабель в прежние времена посещала вместе с отцом. Так разговаривают мужчины, которым нравятся и свои шутки, и звук собственного голоса. И все же за видимой непринужденностью в интонациях лорда Деверо Аннабель уловила скрытую настороженность. А ведь этот юноша далеко не дурак.

Она бросила на него взгляд, который, как надеялась, был застенчивым.

– Ваша душа в безопасности, лорд Деверо. Все, о чем мы просим, – приглашение на предстоящую домашнюю вечеринку в Клермонте.

Он озадаченно моргнул.

– Домашнюю вечеринку, – повторил он. – Обычную домашнюю вечеринку?

– Да.

«А что, бывают и необычные?» – подумала она.

– Ну почему, зачем вам понадобилась именно вечеринка, а не что-то другое? – Он выглядел по-настоящему озадаченным.

К счастью, Аннабель хорошо подготовилась к разговору. Она печально вздохнула.

– Взгляните на нас. – Она указала на свое старое пальто. – Все мы – синие чулки. Нас считают безнадежно старомодными, а вы как раз входите в число законодателей моды всего Оксфордшира.

И разве она лгала? Что касается ее самой, модная одежда ей не по карману, Катриона совершенно не интересовалась нарядами, а у Хэтти... ну, у Хэтти были собственные представления о прекрасном. Сегодня она украсила свою шляпку плюмажем из бирюзовых перьев гигантских размеров, благодаря которым при каждом порыве ветра маленький головной убор чуть не уносило с головы.

Именно на покачивающемся пере и остановился сейчас взгляд лорда Деверо.

– И в самом деле, – сказал он. – Понимаю.

Его собственный наряд говорил о богатстве и хорошем вкусе: щегольски сдвинутый цилиндр, серое пальто прекрасного покроя и элегантно брошенный на шею шарф, черные оксфордские туфли без единого пятнышка. Все это Перегрин носил с тщательно продуманной небрежностью, стремясь показать, что до моды ему нет никакого дела.

Он снова перевел взгляд на Аннабель.

– Значит, вы хотите приобщиться к моде, попав в модное общество.

– Да, милорд.

Он кивнул.

– Весьма разумно.

Он все еще колебался.

Аннабель вытащила из кармана пальто тяжелый старинный ключ и эффектно покрутила им вокруг пальца раз, другой, поддразнивая Перегрину Деверо. От напускной небрежности у юного лорда не осталось и следа. Он не отрывал хищного взгляда от ключа, будто его тезка².

– В самом деле, – медленно произнес он, – за неделю до Рождества у нас действительно состоится домашняя вечеринка. Только для близких друзей, без особых церемоний, дюжина джентльменов, не больше. И герцога не будет дома. – Юноша виновато пожал плечами.

Напряжение, о котором Аннабель и не подозревала, вдруг исчезло. Если герцога не будет, осуществление их безрассудной затеи значительно облегчится.

– Его светлость уедет? – повторила она.

Перегрин по-прежнему не сводил взгляда с ключа.

– Да. Во Францию, навестить мать.

Аннабель повернулась к Хэтти и Катрионе, делая вид, что размышляет.

– Что скажете? Подойдет нам такая вечеринка?

– Думаю, да, – пискнула Хэтти.

Катриона поспешно кивнула.

Обе они покраснелись, заметно нервничая. Оставалось надеяться, что лорд Деверо объяснит их странное поведение чрезмерной возбудимостью синих чулок.

– В таком случае мы согласны выполнить свою часть сделки, – сказала Аннабель, протягивая ключ лорду. – У вас два часа, чтобы сделать дубликат.

– Постойте! – воскликнула Хэтти, перехватив руку Аннабель. – Дайте слово джентльмена, – потребовала она от лорда Деверо.

Кривая усмешка тронула его губы. Юноша приложил правый кулак к сердцу и изобразил поклон.

– Клянусь честью, мисс Гринфилд. Клермонтский дворец ждет вас.

² *Falco peregrinus* (лат.) – сапсан, хищная птица из семейства соколиных.

Глава 6

Декабрь

Едва экипаж отъехал от вокзала Мальборо, Аннабель поняла, что ошибалась, – переводить Фукидида в таком грохоте было невозможно. Она опустила книгу.

– Поехали! – радостно воскликнула Хэтти, усевшись на скамейку напротив.

Аннабель поморщилась. Ее мучило. Сидевшая рядом с ней Катриона спокойно продолжала читать, несмотря на тряску, и сопровождающая Хэтти двоюродная бабушка, казалось, тоже не страдала, уже похрапывая с открытым ртом в углу напротив.

– Ты какая-то бледная, даже позеленела немного. – От острого глаза художницы Хэтти не укрылась дурнота Аннабель. – Может, не стоит читать в такой тряске?

– Мне нужно написать эссе.

– Ну ты же сейчас на отдыхе, – мягко сказала Хэтти.

Аннабель серьезно посмотрела на нее.

– Я не собиралась отдыхать, у меня просто не было другого выхода.

Она все еще не могла смириться с тем, что направляется на вечеринку в дом герцога. Насколько же наивно было с ее стороны полагать, что от нее требуется лишь получить приглашение для подруг. Люси была непреклонна и настояла, чтобы Аннабель тоже присутствовала на вечеринке – три троянских коня в тылу врага лучше, чем два. И Аннабель пришлось отправиться в логово льва, ведь Люси была кошельком, из которого ей платили стипендию. Чтобы избежать поездки, она привела множество вполне разумных доводов, самым сильным из которых было отсутствие нарядов. И теперь ее сундук, плотно набитый прогулочными и вечерними платьями леди Мейбл прошлых сезонов, постукивал о крышу кареты. Сама Люси осталась в стороне – она слыла известной радикалкой, а герцог не выносил радикализма.

Герцог в отъезде.

Даже если бы он и остался дома, вряд ли узнал бы ее. Случайное общение с простолюдинкой наверняка уже стерлось из его памяти как нечто малозначительное. Или все же это чтение Фукидида навеяло на нее тоску? Ей вспомнился последний визит в дом знатного человека, который закончился катастрофой...

Аннабель отодвинула занавеску и вгляделась в проплывающий за окном пейзаж. С утреннего неба, затянутого облаками, на холмы и широкие хребты Уилтшира густо сыпались снежинки.

– Еще долго? – спросила она.

– Меньше часа, – ответила Хэтти. – Правда, если снег не прекратится, мы можем застрять.

Как бы не занесло и дороги в Кенте. «Возвращайся в Чорлибуд двадцать второго декабря», – написал Гилберт. Еще неделя, и она будет мыть полы, печь пироги, складывать дрова, и все это с беспокойным ребенком, привязанным к спине. К счастью, три месяца университетской жизни не превратили ее в белоручку. Да и жена Гилберта, как бы к ней ни относиться, очень нуждалась в любой помощи.

– Чем она тебя заинтересовала? – Хэтти смотрела на «Историю Пелопоннесской войны», лежащую на коленях у Аннабель.

В трясущейся карете буквы на обложке прыгали перед глазами.

– По правде говоря, у меня не было выбора. Отец научил меня древнегреческому, как только я научился читать, а история войн в Мессении была его страстным увлечением.

– Он выпускник Оксфорда?

– Нет, он учился в Дареме. Он был третьим сыном в семье, поэтому стал священником. По большей части самоучка.

– Если бы женщинам возможность учиться дали раньше, – сказала Хэтти, – сейчас было бы меньше книг о резне и больше о любви, о чем-нибудь романтичном.

– В этих книгах достаточно романтики. Возьми, к примеру, Елену Троянскую – чтобы вернуть ее, Менелай спустил на воду тысячу кораблей.

Хэтти поджала губы.

– Лично я всегда считала, что тысяча кораблей – перебор. А Менелай с Парисом дрались из-за Елены, как собаки из-за кости, причем ее желания никого не интересовали. И даже ее одержимость Парисом вызвана отравленной стрелой – что ж тут романтичного?

– Страсть, – ответила Аннабель, – ведь стрелы Эроса наполнены страстью.

– О, страсть опасна, как самый страшный яд, – сказала Хэтти, – и то и другое сводит людей с ума.

Она была права. Древние греки считали страсть формой безумия, отравляющей кровь, и в наши дни из-за нее все так же происходят тайные побегии, незаконные дуэли и трагические романы. Даже донельзя здравомыслящая дочь викария может пойти по кривой дорожке, поддавшись страсти...

– А вот Платон действительно был романтиком, – продолжала Хэтти. – Недаром он говорил, что наша душа была разделена надвое еще до рождения и что мы проводим всю свою жизнь в поисках своей второй половинки, чтобы найти ее и стать одним целым?

– Да, он и правда так считал.

Вообще-то он не считал эту идею серьезной, и его пьеса о родственных душах была сатирической. Аннабель не стала сообщать об этом подруге, потому что в глазах Хэтти появился мечтательный блеск, погасить который у нее не хватило духу.

– Я так жду встречи со своей потерянной половинкой, – вздохнула Хэтти. – Катриона, а как выглядит твоя вторая половинка? Катриона!

Катриона оторвалась от книги, медленно моргая, словно испуганная сова.

– Половинка?

– Ну да. Твоя вторая половинка, – подсказала Хэтти. – Мужчина, который станет для тебя идеальным мужем.

Катриона задумчиво вздохнула.

– Ну... даже не знаю.

– Женщина должна знать, какого мужчину она мечтает встретить!

– Думаю, он должен заниматься наукой, – сказала Катриона, – тогда он позволит и мне заниматься исследованиями.

– А, понятно, – кивнула Хэтти. – То есть он должен быть прогрессивным джентльменом.

– Конечно. Ну а твоя половинка? – быстро спросила Катриона.

– Молодой, – сказала Хэтти. – Он должен быть молодым, разумеется, титулованным и обязательно светловолосым. Знаете, такие роскошные волосы, темно-золотые, как древнеримские монеты.

– Такой своеобразный цвет довольно редко встречается, – заметила Катриона.

– Зато очень подойдет для моих картин. Тогда он сможет мне позировать, – объяснила свои пристрастия Хэтти. – Ведь какой-нибудь старообразный сэр Галахад здесь не годится. Разве рыцари в сияющих доспехах могут быть старыми и некрасивыми?

Аннабель чуть не рассмеялась. О рыцарях и принцах очень любили поговорить молоденькие девушки из ее родной деревни. Однако для Хэтти рыцари и принцы были не просто сказочными существами. Они приезжали обедать к ее родителям в их дом в Сент-Джеймсе. И если кто-то из них женится на Хэтти, он будет защищать ее, выполнять все ее прихоти, потому что иначе ему придется держать ответ перед Джулианом Гринфилдом.

Будь она Хэтти, которая выросла в любви и довольстве, в распоряжении которой была целая армия слуг, Аннабель тоже мечтала бы о замужестве и рассуждала о второй половинке. В теперешнем же положении брак для нее означал нескончаемую работу по дому, в дополнение к которой прибавилась бы еще одна обязанность – мужчина получал право пользоваться ее телом для своего удовольствия. Что может быть хуже – делить постель с мужчиной, который безразличен или способен втоптать сердце женщины в грязь?

– Аннабель, – не преминула сказать Хэтти. – Ну а теперь ты расскажи нам о своей второй половинке.

– Она, наверное, где-то далеко и сильно занята. Так что я рассчитываю только на себя.

Аннабель уклонилась от неодобрительного взгляда Хэтти, снова отвернувшись к окну. Мимо проплывала деревня. Вдоль улицы выстроились каменные коттеджи медового цвета, напоминающие пряничные домики с покрытыми снегом крышами и торчащими трубами. Несколько жирных свиней тяжело переваливались по тротуару. Было видно, что герцог печется о своих арендаторах.

Боже, что это?!

– Это и есть Клермонт? – Аннабель коснулась пальцем холодного оконного стекла.

Хэтти подалась вперед.

– Ну да. Какой прекрасный дом!

«Дом» и «прекрасный» – эти слова не могли в полной мере описать строение, которое показалось вдалеке. Клермонт выросал перед ними, как волшебный утес, огромный и величественный. Раскинувшись на пологом склоне, украшенный изящными барельефами, он смотрел сверху на многие мили вперед, будто правитель на троне. Он был пугающе великолепен.

Мошениый двор был настолько огромен, что, казалось, с такого расстояния до дома цоканье копыт не доносится. Но у подножия серой известняковой лестницы парадного входа их уже поджидала одинокая фигура. Перегрин Деверо. Глаза у него были осоловелые, галстук помят, но на ногах он держался твердо, помогая им выйти из кареты.

– Я от души рад видеть вас у себя в гостях, дамы, – сказал он, беря под руку залившуюся румянцем Катриону и тетушку Гринфилд, чтобы проводить их наверх по лестнице. – Джентльмены с нетерпением ждали вашего приезда.

Войдя внутрь трехэтажного дома, гости очутились в холле с высоким куполообразным стеклянным потолком. Балюстрады верхних этажей украшали статуи. Пол был выложен черно-белыми мраморными плитами и напоминал гигантскую шахматную доску. В самый раз для человека, который считается главным стратегом королевы.

Аннабель глубоко вздохнула и выпрямилась. *Все идет по плану.* Она справится, как-нибудь переживет этот уик-энд. За столом в ножах и вилках она не запутается, как и перед кем делать реверанс, знает назубок. Аннабель хорошо говорила по-французски, на латыни и греческом, пела, играла на фортепиано, могла поддержать беседу на исторические темы, причем

и о Востоке, и о Западе. Спасибо за это увлеченному древней историей отцу и прабабушке по материнской линии. С галльской решимостью ее миниатюрная *grand-mère* прививала галантные французские манеры всем своим потомкам вплоть до семейства викария. Поэтому в Кенте Аннабель слыла чудачкой, чересчур образованной, как сказала она Хэтти. Кто же знал, что здесь, во дворце герцога, все эти познания пригодятся и, быть может, помогут избежать промахов?

Лорд Деверо подвел их к группе слуг у подножия парадной лестницы.

– Еще немного, и все дороги завалит снегом, – сказал он, – поэтому предлагаю часок покататься на лошадях по саду.

Катриона и Хэтти были в восторге, они-то умели ездить верхом. Опыт Аннабель ограничивался ездой на старой рабочей лошади, что было явно недостаточно, когда речь шла о катании на чистокровных лошадях в седле.

– Я, пожалуй, не поеду, – сказала она. – Поработаю над переводом.

– Как вам будет угодно, – любезно ответил Перегрин. – Жанна проводит вас в вашу комнату. Если вам что-то понадобится, не стесняйтесь спрашивать. Все, что попросите, вам тотчас же принесут, любое желание исполнят.

– О, тогда я буду осторожна в своих желаниях, – пообещала Аннабель.

На лице Перегриня появилась знакомая усмешка.

– Деверо-о-о!

Пьяный рев эхом разнесся по коридору, и улыбка тут же исчезла с лица Перегриня.

– Прошу прощения, мисс, леди. Похоже, джентльмены обнаружили запасы бренди...

Кровать с пологом в ее комнате была до неприличия роскошной: слишком большая, с толстыми, как мох, изумрудно-зелеными бархатными порттьерами, с кучей ярких разноцветных шелковых подушек. Аннабель сразу захотелось растянуться на мягком чистом матрасе.

Из окна комнаты на втором этаже виднелся внутренний двор, посреди которого стоял неработающий фонтан в окружении безупречно подстриженных тисовых деревьев. Огромный заснеженный парк, который Перегрин назвал садом, уходил вдаль.

– Что-нибудь еще, мисс?

Служанка по имени Жанна застыла в ожидании приказаний, чинно сложив перед собой руки.

Казалось, здешнее великолепие ударило Аннабель в голову. Разве обязательно работать над переводом здесь, в спальне, когда в доме еще двести комнат?

Она потянулась за томиком Фукидида и блокнотом.

– Не могли бы вы показать мне, где библиотека?

– Конечно, мисс. Какая именно?

Так их несколько?!

– Ну, самая лучшая.

Жанна кивнула, как будто просьба была вполне обычная.

– Следуйте за мной, мисс.

Лучшая библиотека укрылась за арочной дубовой дверью, которая встретила их недовольным скрипом. Из широкого витражного окна напротив двери падали разноцветные, будто прошедшие сквозь призму лучи. По обе стороны окна тянулись ряды темных деревянных полок. Дорожка из восточного ковра вела к потрескивающему камину возле одного из окон, у огня стояло кресло с подлокотниками, готовое принять Аннабель в свои объятия.

Аннабель неуверенно шагнула через порог. Когда она оглядела комнату, ее охватило странное чувство узнавания. Именно так она и представляла идеальную библиотеку. И сейчас ей казалось, будто кто-то прочитал ее мысли и облек их в камень и дерево с предельной точностью.

– Как вам нравится потолок, мисс?

Аннабель взглянула вверх. На сводчатом темно-синем потолке мерцали неяркие звезды безлунной ночи.

– Как красиво...

И правда... Она разглядывала искусно выписанную картину настоящего неба, по всей видимости, зимнего.

– Звезды из настоящего золота, – произнесла Жанна с гордостью. – Если вам что-нибудь понадобится, просто позвоните, мисс.

Дверь за ней тихо закрылась.

Какая тишина... Если задержать дыхание, то можно услышать, как плывут пылинки в воздухе.

Аннабель медленно пошла к камину, проводя пальцами по кожаны корешкам, гладкому круглобому глобусу, отполированным полкам из эбенового дерева. Так вот каковы на ощупь атрибуты богатства и комфорта.

Кресло у камина было огромным, мужским. Мягкая низенькая скамеечка стояла так, чтобы длинные ноги можно было вытянуть поближе к решетке, а маленький столик удобно расположился под рукой. В воздухе витал слабый запах табачного дыма.

Аннабель колебалась. Не будет ли чересчур дерзко – взять и усестся в кресло хозяина? Но ведь хозяин в отъезде.

Аннабель с наслаждением опустилась на широкое сиденье.

Через минуту она откроет книгу. Как давно она не присаживалась просто так, без дела!

Приятное тепло от огня согревало кожу. Сквозь полужакрытые веки она любовалась причудливыми витражами – сказочные птицы порхали среди диковинных цветов. За окном беззвучно, не переставая кружились снежинки. Мягко потрескивали дрова в камине...

Аннабель вздрогнула и проснулась. Она ощутила чье-то присутствие, совсем близкое и... пугающее. Ее глаза распахнулись, а сердце гулко забилося. Прямо над ней возвышался мужчина. Ее взгляд уперся ему в грудь. В висках застучало, когда она заставила себя поднять глаза и взглянуть ему в лицо. Черный шелковый галстук с идеальным узлом. Жесткий белый воротничок. Твердый подбородок. Аннабель уже поняла, кто это. Внутри у нее все сжалось, когда она наконец встретила взглядом с холодными глазами герцога Монтгомери.

Глава 7

Его глаза чуть расширились. Затем зрачки сузились, превратившись в точки.

Тонкие волоски на теле Аннабель поднялись, как мех на зашипевшей кошке.

О нет, герцог не забыл ее... Он смотрел на нее сверху вниз, от него веяло негодованием – оно прямо-таки клубилось в воздухе, будто пар из холодного погребца.

– Что. Вы. Делаете. В моем доме?

Его голос был таким же властным и подчиняющим, каким запомнилась ей. Холодная чеканная фраза врезалась прямо в ее скачущие, спутанные мысли. *Совершенно неуправляемый мужчина.*

Оторопев, Аннабель с трудом поднялась с кресла.

– Ваша светлость... Я думала, вы во Франции.

Больше ничего не нашлось сказать?

Негодование на лице герцога сменилось сарказмом.

– Мисс Арчер, не так ли? – спросил он почти ласково. И этот тон не сулил ничего хорошего.

– Да, ваша светлость.

Он и не подумал сделать хоть шаг назад. Стоял совсем близко, возвышаясь над ней. Если он намеревался подавить ее своим величием и ростом – а он был почти на голову выше Аннабель – его усилия оказались напрасными. Потому что запугивание пробуждало в ней единственное желание – дать отпор. А герцог был не похож на человека, который потерпит сопротивление.

Его черный приталенный сюртук великолепно сидел на фигуре, обрисовывая на редкость прямые, широкие плечи и тонкую талию. Коротко стриженные светлые волосы казались почти белыми в лучах декабрьского солнца. Он весь был такой суровый и бесцветный, будто сама зима. И, наверное, так же способен заморозить ее насмерть...

– Полагаю, вы подруга моего брата, – сказал он.

Ей не понравилось, с какой интонацией он произнес слово «подруга».

– Я знакомая милорда Деверо, ваша светлость.

Аннабель чуть наклонилась вперед, побуждая герцога проявить вежливость и дать ей проход. Он не двинулся с места. Его глаза скользнули по ее лицу, затем ниже, по шее. Презрение во взгляде говорило о том, что он заметил все: впалые от голода щеки, серьги с фальшивыми жемчужинами, старое прогулочное платье леди Мейбл, которое Аннабель подгоняла по фигуре сама и которое было ей не к лицу.

Внутри у нее все опустилось.

– Какая неслыханная наглость – пробраться в мой дом, – сказал он. – Это уж слишком, даже для такой женщины, как вы.

Она зажмурилась от возмущения. Такой женщины, как она?!

– Я знакомая милорда, – повторила она, и ее голос прозвучал на удивление сдержанно.

– Знакомая... – повторил Монтгомери. – Ну, если вам угодно называть это знакомством... В таком случае, должен заметить, для знакомства вы выбрали не того человека. Лорд

Деверо полностью зависит от моего кошелька. Не старайтесь, ваши уловки ни к чему не приведут.

Ее бросило в жар.

Так вот чем он был недоволен! Вовсе не тем, что она заснула в его кресле. Он считал ее любовницей брата!

Она и Перегрин Деверо?! Что за нелепое предположение!

И тем не менее герцог убежден, что дело обстоит именно так. Лишь мельком взглянув на нее, его светлость принял ее за продажную женщину...

Сердце неистово стучало, стук отдавался в ушах. Гнев, так долго сдерживаемый, взметнулся в ее душе, словно потревоженная змея. Охваченная возмущением, Аннабель приняла вызывающую позу, выставив бедро, и не спеша оценивающе оглядела герцога с головы до ног, от надменного лица до начищенных ботинок. В душе она горько усмехнулась, признаваясь себе, что находит Монтгомери весьма привлекательным.

– Ваша светлость, – проворковала она, – не сомневаюсь, что ваш кошелек... набит доверху. Вот только купить меня вам не удастся, я здесь не для продажи.

Герцог застыл в изумлении.

– Вы всерьез считаете, что я предложил вам непристойную сделку?

– Зачем же еще в разговоре с женщиной, подобной мне, джентльмен упоминает о своем кошельке?

Мускул на его щеке дернулся, и пылающую гневом Аннабель словно окатили холодным душем. Как неловко получилось! В конце концов, перед ней один из самых влиятельных людей в Англии.

Неожиданно Монтгомери наклонился ближе.

– Вы уберетесь из моего поместья, как только дороги будут расчищены, – тихо произнес он. – И держитесь подальше от моего брата. Я ясно выразился?

Он стоял так близко, что Аннабель чувствовала его запах, в котором смешались ароматы крахмального белья и мыла. Этот запах волновал ее, будоражил... Она не могла вымолвить ни слова, в голову ничего не приходило. И лишь кивнула.

Герцог отступил назад и глазами указал на дверь.

Он выгонял ее!

Аннабель с трудом удержалась от безумного порыва дать ему пощечину и увидеть, как высокомерие на его благородном лице сменится недоумением. О, это высокомерие! Он был пропитан им насквозь!

Аннабель схватила со столика Фукидида и свою записную книжку и устремилась к выходу.

Его взгляд, холодный и неумолимый, как дуло пистолета, преследовал ее до двери.

Уходя, женщина держала перед собой книгу, словно щит, в каждом движении ее стройного тела чувствовалось напряжение. Она закрыла за собой дверь осторожно, хотя прозвучало это так, будто она ею хлопнула.

Себастьян стиснул пальцы.

Он узнал ее, как только она подняла на него глаза.

Зеленоглазая в его доме... У Зеленоглазой интрижка с его братом...

Она казалась такой невинной, когда спала в его кресле, подтянув колени к груди, положив руку под щеку. На шее мягко пульсировала жилка. Ее профиль напоминал мраморную статую, а сама девушка была похожа на музу прерафаэлитов. Герцог просто застыл на месте. Незванная

гостя совсем не походила на хищницу, которая заманивает в ловушку недотеп-мужчин из знатных семей, что лишь свидетельствовало о ее мастерстве.

Ее выдавали глаза. Взгляд пронизательный, умный, спокойный и совсем не невинный. К тому же поведение не оставляло сомнений: ни одна благовоспитанная леди не ответила бы дерзостью на его отповедь. А этой зеленоглазой нахалке хотелось дать ему пощечину, он чувствовал это всем своим существом. *Безумие.*

Герцог направился к выходу.

Приказ королевы немедленно вернуться из Бретани для экстренной встречи поступил весьма некстати. Обнаружить после двадцатичасового путешествия, что дом кишит пьяными лордами, тоже малоприятно. Но выслушивать дерзости от какой-то распутницы в собственной библиотеке – это уж слишком!

Когда герцог вышел в коридор, его встретил дворецкий, на длинном лице которого была написана крайняя тревога.

– Что такое, Бонвилль?

– Ваша светлость! – Дворецкий, которого он привык видеть невозмутимым, смотрел на него совершенно дикими глазами. – Вина полностью лежит на мне, я готов понести ответственность за сложившуюся ситуацию.

– Не думаю, что в этом есть необходимость, – сказал Себастьян, – но скажите же мне наконец, что случилось.

Когда Монтгомери неожиданно вошел в парадную дверь, его экономка пришла в неописуемое волнение. Она тут же стала перечислять герцогу имена гостей, но, услышав первое же имя, имя незнакомой ему женщины, он немедленно отправился на ее поиски.

– Вчера вечером без предупреждения прибыла дюжина джентльменов, – доложил Бонвилль. – Лорд Деверо похлопал меня по плечу и сказал: «Бонвилль, будь другом! Ты все равно готовишься к большому празднику, наверняка у тебя найдется кое-что из еды и бутылочка-другая для нашей компании». Целая дюжина гостей, ваша светлость! Кухонный персонал...

Ах, Перегрин, Перегрин. Себастьяну вдруг до ужаса захотелось поймать брата, затащить его в кабинет и устроить взбучку. Ладно, позже. Он разберется с братом позже, когда гнев уляжется, а кровь перестанет бешено пульсировать в висках. А пока придется играть роль любезного хозяина перед незваными гостями, потому что поступить иначе значило бы признаться всему миру в том, что восемнадцатилетний мальчишка совершенно не считается с герцогом Монтгомери. Лишь железное самообладание не позволило ему заскрипеть зубами в присутствии дворецкого.

– А сегодня утром прибыл кое-кто еще. – Бонвилль продолжил свое горестное повествование. – Три юные дамы и их компаньонка, а одна из них и вовсе не похожа на леди...

– Она действительно не леди, – мрачно подтвердил Себастьян.

Стоп! Что еще за компаньонка?

– Вот и я так подумал, – сказал Бонвилль. – Ума не приложу, зачем это дочь графа Уэстера Росса надела на себя ужасный плед и разгуливает в таком виде, ну прямо настоящая якобитка...

Себастьян удивленно поднял руку, прерывая его.

– Как, леди Катриона здесь?

– Похоже на то, ваша светлость.

Черт! Следовало выслушать список гостей до конца, прежде чем отправиться на поиски «мадам»!

– Вы упомянули трех дам, – сказал он. – Кто же еще?

– Мисс Хэрриет Гринфилд и ее тетушка, миссис Гринфилд-Каррутер. Мы поселили их в покоях с позолоченным потолком.

Дочь Гринфилда, леди Катриона... Вряд ли этих девушек можно считать неподходящей компанией. Так что, возможно, Перегрин и не притаскивал любовницу в дом. А судя по тому, как мисс Арчер отвечала ему, вряд ли она профессионалка.

Себастьян нахмурился. Должно быть, он был слишком утомлен дорогой, вот и не сумел разобраться, совершил ошибку. Однако это все равно не объясняло присутствия той женщины в его кресле.

– Они все из Оксфорда, – вдруг догадался он.

– Что, ваша светлость?

– Эти женщины, – объяснил герцог. – Дочь Гринфилда, леди Катриона и, я подозреваю, третья тоже – все они синие чулки. У таких и манеры, и одежда всегда ужасны.

– Ах вот оно что, – Бонвилль понимающе хихикнул.

Он уже успокоился, пришел в свое обычное состояние и снова был похож на самого себя.

– Бонвилль, вы один из самых компетентных дворецких в Англии, не так ли?

Румянец залил впалые щеки Бонвилля.

– Я стремлюсь к этому, ваша светлость, – застенчиво ответил он.

– И вам это удастся, не скромничайте. Так проявите же компетентность и найдите выход из ситуации. И сообщите на кухне, что за следующие пару дней им заплатят в двойном размере.

Он смотрел вслед удаляющемуся Бонвиллю. Спина дворецкого снова стала безукоризненно прямой.

Оставалась еще одна проблема: он только что приказал убрать из своего поместья гостью, которая, несмотря на ее дерзкие слова, имела право на его гостеприимство. Ладно. Крайне редко он менял свое решение. Но все же пусть эта маленькая нахалка немного понервничает, решил он и приказал лакею послать за конюхом. Ничто так не смягчало его нрав, как долгая прогулка верхом.

Вы уберетесь из моего поместья...

Эти слова, произнесенные почти шепотом, отдавались в голове Аннабель, как пожарный колокол. Герцог Монтгомери выгнал ее из своего дома. А она даже не успела разобрать багаж.

Войдя в свою комнату, Аннабель с удивлением обнаружила, что ее вещи распакованы. На туалетном столике стоял флакон с жасминовыми духами, лежала старая мамина щетка, на столе были разложены ее книги и бумаги, включая «Руководство по этикету» Дебретта, которое она тщательно изучила, чтобы не допустить промаха на вечеринке.

Ее глаза сузились, когда она заметила среди книг свою папку с характеристиками влиятельных персон. В три шага она подлетела к столу.

Быстро, словно рапиру, она схватила авторучку.

«Герцог М.: Донельзя высокомерный, властный, – строчило перо, – да просто напыщенная задница!»

Аннабель сдула со лба упавшую прядь. Неожиданно она увидела свое отражение в зеркале и ахнула. Глаза гневно сверкали, локоны цвета красного дерева змеились по плечам: какая-то Медуза горгона, а уж никак не Елена Троянская.

Аннабель прижала ладони к пылающим щекам. Что же она натворила? Ведь прекрасно знала, как нужно управляться с грозными и свирепыми мужчинами, знала, что говорить и, самое главное, чего *не* говорить. Нельзя дерзить английскому пэру, каким бы негодяем он ни был. И особенно, если он настоящий негодяй. Это знает любая дура.

Ее отражение расстроено смотрело на нее. *Что подделаешь, если у тебя есть характер? Ты просто показала свою истинную натуру.*

Аннабель закрыла глаза. Да, с ней и раньше так бывало – эмоции брали верх над рассудком. И да, она никогда по-настоящему не знала свое место. Там, где другие, ощутив свою ничтожность, пугались и отступали, она принимала вызов и не склоняла голову.

Она так старалась скрыть свой изъян... Однако герцог разглядел его. Ни один джентльмен не позволил бы себе оскорбить невинную девушку, но герцог видел ее насквозь, стоило ему взглянуть на нее, и он заметил в ней нечто порочное...

О, нет. А как же Хэтти и Катриона? Что она скажет им? Узы дружбы были еще такими хрупкими, она обрела подруг совсем недавно.

Я должна уехать.

В приречной деревушке, мимо которой они проезжали, была какая-то гостиница. Аннабель ясно помнила вывеску из кованой стали. Далеко ли до нее? Не более семи миль. Преодолеть семь миль не так уж и трудно. Взять только самое необходимое – флакончик с жасминовыми духами, щетку, записи, пенный набор и сорочку. За книгами можно послать позже.

Руки Аннабель быстро и аккуратно складывали вещи, лицо все еще пылало. Присутствие герцога тяготило ее; в этих стенах, где каждый камень принадлежал ему и он повелевал всеми живыми существами, от него не скрыться.

Нужно было что-то написать подругам, поэтому Аннабель снова достала бумагу.

– Что же написать? Может, так? – бормотала она. – «Я оскорбила герцога Монтгомери, а он считает меня шлюхой, поэтому я сочла за лучшее покинуть дом». Представляю, какой это вызовет переполох...

Аннабель нацарапала несколько вполне безобидных строк и оставила записку на столе. Она зашнуровала ботинки и подошла к окну. Солнце только что миновало зенит, значит, у нее в запасе еще три-четыре светлых часа. Вполне достаточно, чтобы добраться до гостиницы.

Внизу во дворе показались два всадника, оставив темные следы от копыт на девственно-белом снежном покрывале.

Первая лошадь будто примчалась из зимней сказки. Ослепительно-белый жеребец, движения сильных мышц которого были так грациозны, что, казалось, он танцует на снегу. Без сомнения, если бы Хэтти рисовала какого-нибудь возносящегося на небо сэра Галахада, он позировал бы ей именно на такой лошади.

Однако такому, как Монтгомери, скорее был под стать конь черный как смоль. Рука Аннабель вцепилась в плотную бархатную портьеру. Царственная осанка, ловкость, с которой герцог управлял гарцующим животным, подняли в ее душе новую волну гнева. Вот бы лошадь сбросила его со спины!

Он резко поднял голову и посмотрел в сторону ее окна, и у Аннабель перехватило дыхание. На нее вдруг будто снова пахнуло его ароматом... Она схватила узелок с вещами и побежала.

Глава 8

Гораздо разумнее было бы сказать себя больной и не покидать свою комнату. А теперь приходится брести по колено в снегу, то и дело проваливаясь в сугробы. К сожалению, сегодня мудрость и прагматизм покинули ее. Вот что случается, когда прошлое неожиданно сталкивается с настоящим: старые призраки оживают, и человек действует безрассудно и непредсказуемо.

Семь лет прошло с тех пор, как Аннабель стояла в другой библиотеке, такой же огромной, и другой аристократ втоптывал ее в грязь, разбивая сердце. Она думала, семь лет – долгий срок, но сегодня властный голос герцога и легкое презрение в тоне подействовали на нее, как удар кулака, снова причинив боль, заставив сжаться...

И все же не стоило дерзить ему. Но тут уж разыгралась гордость, как говорила теть Мэй, ее галльский характер... *Обуздай его, девочка, ты не можешь себе этого позволить.* Семь лет назад галльская гордость промолчала, как пойманный в силки кролик, когда отец ее любовника обозвал Аннабель алчной шлюхой и ее услали жить к тете Мэй. С тех пор она не была по-настоящему гордой.

Тяжело дыша, Аннабель остановилась поправить узелок. Тропинка среди белых холмистых полей была едва различима, но облака рассеялись и ветер стих. Над гребнем дальнего холма на фоне закатного неба виднелись черные и неподвижные, будто вырезанные из бумаги, деревья. Оставалось пройти еще пять миль. Аннабель могла точно определить расстояние. Очень ценное умение для таких, как она. Женщины ее положения всегда ходят пешком.

Она прошла еще милю, и вдруг позади раздался приглушенный стук копыт. Аннабель обернулась. Большая коричневая лошадь с топотом неслась по узкой тропинке, всадник прильнул к конской шее.

Девушка остолбенела. Лошадь была дорогая, наверняка из конюшни какого-нибудь вельможи. Сердце ушло в пятки, когда всадник приблизился.

– Мисс! Мисс Арчер! – Молодой человек соскочил с седла и снял фуражку, мокрые от пота рыжие волосы торчали в разные стороны. – Мак-Магон, конюх герцога, к вашим услугам. Меня послали за вами, мисс.

Нет. Нет, она туда не вернется.

– Не стоило беспокоиться, – сказала Аннабель, – я направляюсь в ту деревню. – Она указала большим пальцем за плечо.

На лице конюха мелькнуло удивление.

– В Хоторн? Но это же далеко. На улице холодно, вы схватите простуду.

– Мне не холодно, я иду быстро.

– Мы и не ожидали, что вы уйдете так далеко. Должно быть, вы устали, – уговаривал конюх. – Мне приказано доставить вас в дом герцога.

Он не слушал ее, такие никогда не слушают.

Аннабель широко улыбнулась, и посланник захлопал глазами, как все мужчины в ответ на ее улыбку.

– Мак-Магон, но ведь у вас только одна лошадь.

Его лицо просияло.

– Не беспокойтесь, мисс, на лошади поедете вы.

– Но нам потребуется два часа, чтобы добраться до дома, а до Хоторна осталось совсем чуть-чуть.

Мак-Магон задумался, нахмурившись еще сильнее, вероятно, сообразив, что не сможет силой усадить ее на лошадь, если она не согласится.

– Его светлость будет очень недоволен, – наконец произнес он.

Его светлость? Зачем это он послал за ней, если сам же и выгнал? Видимо, хочет показать свою власть, настоять на своем. Да он просто тиран, к тому же законченный самодур!

– Передайте его светлости, что я отказалась.

У потрясенного Мак-Магона отвисла челюсть.

– И что я упряма как осел, – добавила она, – и вообще настоящая мегера.

Конюх медленно покачал головой.

– Вряд ли я смогу сказать ему такое, мисс.

– Уверю вас, он ни капельки не удивится.

– Послушайте, мисс...

– Всего доброго, Мак-Магон.

Она не повернулась к нему спиной, демонстрируя хорошие, да что там, безупречные манеры.

Мак-Магон по-прежнему выглядел несчастным. Неужели герцог выместит досаду на нем? Аннабель сжала губы. Ну конечно, парень беспокоился за себя.

Бормоча что-то себе под нос, Мак-Магон наконец надел фуражку, вскочил в седло, развернул лошадь и вскоре превратился в темную точку вдалеке на фоне белого пейзажа.

Аннабель пустилась в путь еще быстрее, подгоняемая каким-то неутомимым упорством. Герцог хотел вернуть ее, а он привык получать желаемое. Ей нужно действовать быстрее. Кроме того, Аннабель вспотела так, что сорочка прилипла к спине, а между тем лицо заиндевело от мороза. Ей нужно поскорее оказаться в теплом доме.

Не прошло и получаса, как за спиной снова послышался стук копыт. Аннабель оглянулась, ожидая увидеть большую коричневую лошадь. Но та оказалась ослепительно белой.

Черт бы его побрал!

Всадник быстро приближался, его горделивую осанку нельзя было спутать ни с чьей другой. Монтгомери. Вторая лошадь, без всадника, скакала за ним по пятам.

Аннабель резко повернулась к нему лицом, внезапно все мысли вылетели из головы, лицо застыло. Монтгомери сам приехал за ней...

Он налетел, как вихрь, и Аннабель внезапно оказалась в окружении топочущих лошадей, от которых валил пар. Герцог маневрировал ими, преграждая ей путь. Как будто она собиралась сбежать.

Аннабель присела в реверансе, а Монтгомери смотрел на нее сверху вниз из седла. Наверное, именно так выглядели его предки на поле битвы: властные рыцари на боевых конях, они отдавали приказы, заставляющие солдат поднимать мечи и мчаться навстречу гибели и славе. Можно не сомневаться, и для нее встреча с этим человеком с каменным лицом станет гибельной...

– Добрый день, мисс Арчер. – Его тон был обманчиво приветливым. – Так чего же вы всем этим надеялись добиться?

Он повертел указательным пальцем в воздухе над белой равниной.

– Всего лишь выполняю ваши приказания, сэр. Дорога вполне годится для путешествий, поэтому я и покинула ваш дом.

– Вам следовало бы догадаться, что речь шла о путешествии в карете, а не пешком.

– Я бы не осмелилась строить догадки в отношении ваших приказов, ваша светлость.

Его челюсти сжались.

– Значит, если бы я дал понять более ясно, что пешее путешествие исключено, вы бы остались?

Теперь Аннабель оставалось только молчать или откровенно лгать. Они оба знали, что она все равно сбежала бы.

Монтгомери кивнул, снова этот быстрый кивок, а затем ловко соскочил с седла. С хлыстом в руке он двинулся на нее. Снег зловеще хрустел под его сапогами.

Аннабель еле держалась на ногах. Теперь они были под открытым небом, а не в его библиотеке, совсем в ином положении, почти на равных, но герцог по-прежнему выглядел столь же грозным и неприступным в тяжелом темно-синем пальто с двойными рядами сверкающих серебряных пуговиц. Ему даже не было нужды удерживать свою лошадь. Она послушно стояла на месте. Бедное животное, без сомнения, давно уже приучено к покорности. Монтгомери остановился всего в футах от Аннабель, его глаза сверкали от раздражения.

– Я бы никогда не приказал женщине идти пешком куда бы то ни было, – сказал он, – так что садитесь, пожалуйста, на лошадь. – Он указал хлыстом на свободную лошадь.

Аннабель взглянула на животное. Лошадь была размером с небольшой дом и отнюдь не выглядела спокойной. Даже если бы герцог приехал за ней на роскошной упряжке из четырех лошадей, она не вернулась бы с ним.

– До Хоторна совсем недалеко, я доберусь за час, ваша светлость.

– Не доберетесь, – сказал он, – скоро стемнеет, а вы замерзнете и простудитесь. – Тон его был столь уверенным, будто герцог не просто предвидел, но и управлял природными явлениями. – Вдобавок вы рискуете потерять несколько пальцев на ногах, – добавил он для пущей убедительности.

При упоминании пальцев Аннабель тут же сжала их внутри ботинок. Вот досада! А ведь он прав. Она почти не чувствовала пальцев.

– Я ценю вашу заботу...

– Я не могу допустить, чтобы в моих владениях пострадала женщина, – сказал герцог. – Забота здесь ни при чем.

Разумеется, ни при чем.

– Я вовсе не собираюсь действовать себе во вред, просто хочу добраться до Хоторна.

Монтгомери бросил на нее пронизывающий ледяной взгляд.

– Гордость для вас превыше собственной безопасности, мисс.

Что ж, с этим не поспоришь. Аннабель стиснула зубы, пытаясь сдержать неведомое ранее желание зарычать.

– Немедленно садитесь на лошадь, – приказал Монтгомери.

– Предпочитаю этого не делать, ваша светлость. Уж слишком она большая.

Он ударил хлыстом по сапогу. Похоже, с большим удовольствием он шлепнул бы по чему-то другому...

– В Хоторне есть гостиница, в которой я могу остановиться, – быстро сказала Аннабель, – и...

– И потом по всей округе разнесутся слухи, будто я выгоняю своих гостей на мороз? – рявкнул Монтгомери. – Это исключено! На вас даже нет подходящего пальто.

Она посмотрела на себя.

– Пальто как пальто...

– Вот только оно совершенно не подходит для восьмимильной прогулки по морозу, – парировал он. – «*Что за нелепая женщина!*» – так и слышалось в его интонациях.

Разумеется, вслух такого он никогда не произнесет, да этого и не требовалось – столь явно звучало презрение в его невыносимо светском тоне.

Аннабель разглядывала его широкоплечую фигуру, значительно превосходящую ее по весу и силе, и думала, как он поступит, если она все же попытается уйти.

– Ну что ж, – произнес Монтгомери, а затем сделал нечто неожиданное – снял шляпу.

– Конечно, обстановка не располагает, – сказал он, – но раз уж мы оказались здесь...

Он сунул шляпу под мышку и встретился с ней взглядом.

– Мисс, приношу свои извинения за то, что во время нашей последней встречи я вел себя неподобающе и был слишком высокомерен. Пожалуйста, окажите мне честь и останьтесь в Клермонте до окончания завтрашней вечеринки.

Ветер стих, и здесь, на холме в Уилтшире, воцарилась удивительная тишина. Глядя на герцога, который продолжал церемонно держать шляпу под мышкой, Аннабель слышала лишь собственное дыхание и глухие удары своего сердца. От мороза изо ртов у них обоих вырывались клубы пара.

Никогда мужчины не извинялись перед ней. И теперь, когда один наконец извинился, Аннабель вдруг поняла, что не знает, как отвечать ему.

Монтгомери нетерпеливо приподнял бровь.

Что ж. В конце концов, он герцог и вряд ли вообще привык извиняться перед кем-то. Возможно даже, сегодня сделал это впервые в жизни.

– Почему? – тихо спросила она. – Почему вы приглашаете в свой дом такую женщину, как я?

По его взгляду невозможно было ничего определить.

– Я не могу допустить, чтобы в моих владениях пострадала женщина. Кем бы она ни была. И наш предыдущий разговор, конечно, был недоразумением. Уверен, с вашей стороны моему брату ничего не угрожает.

Аннабель поежилась. Неужели он расспрашивал Перегрину об их отношениях? Или, что еще хуже, Хэтти и Катриону? Вопросы, которые могли бы вызвать...

– Я догадался об этом сам, – поспешил успокоить ее герцог.

На его лице появилось новое выражение, и Аннабель не сразу разгадала в нем легкое удивление.

– Что ж, и на том спасибо, – сказала она не слишком уверенно.

Его губы дрогнули.

– Элементарная дедукция, логика, так сказать.

– Весьма разумный метод, – признала она, не понимая, куда, черт возьми, он клонит.

– Вы совершенно ясно дали понять, что не продадитесь герцогу, – продолжал он. – Из этого следует, что мой младший брат для вас еще менее интересен.

Аннабель удивленно заморгала. Он пытается... подшутить над ней?

Лицо Монтгомери ничего не выражало, и поэтому она осторожно спросила:

– Но разве это не индуктивное суждение, ваша светлость?

Он замер. В глубине его глаз вспыхнул огонек.

– Дедуктивное, я уверен, – мягко произнес он.

Он уверен! Стало быть, у него не было ни малейших сомнений в том, что женщина всегда предпочтет герцога любому другому мужчине. Для него это такая же непреложная истина, как и то, что все люди смертны. Да уж, высокомерия и самоуверенности ему не занимать.

– А, ну конечно, – пробормотала она.

Монтгомери улыбнулся лишь уголками глаз, и все равно ее внимание привлекли именно его губы. При ближайшем рассмотрении у него оказался выразительный, манящий рот. Красивый, четко очерченный, с более пухлой нижней губой, что становилось заметным, когда он собирался улыбнуться. Такой рот можно было бы назвать чувственным, если бы кому-то пришлось в голову думать о поцелуях. О, эти губы обещали так много, и, можно не сомневаться, неприступный герцог умел ими пользоваться... *Этот мужчина и я... мы поцелуемся.* Осознание было ярким и внезапным, вспышкой где-то на задворках ее разума, скорее убеждением, чем догадкой.

От смущения сердце у нее часто забилося.

Аннабель отвела взгляд, потом снова посмотрела на герцога. Этот новый, непривычный Монтгомери, с волнующим ртом и умным, ироничным взглядом, замер перед ней в ожидании. Она поняла, что больше никогда не сможет забыть его.

Аннабель покачала головой.

– Я не могу вернуться с вами, – произнесла она, к счастью достаточно твердо. – Ведь я не умею ездить верхом.

Он нахмурился.

– Совсем?

– Никогда не ездил в дамском седле.

Это было бы катастрофой. Не хватало еще, чтобы он видел, как она, задирая юбки, неуклюже взбирается на лошадь.

– Что ж, – сказал герцог.

Он шелкнул языком, и его лошадь перестала обнюхивать снег и рысью побежала к хозяйину, таща за собой запасную лошадь.

Монтгомери взял поводья в кулак.

– Тогда вы поедете вместе со мной, – сказал он.

Такого поворота Аннабель не ожидала.

– Очередная шутка, ваша светлость?

– Я вовсе не шучу, – ответил он с легким беспокойством в голосе.

Значит, ей придется сидеть с ним на лошади, прижимаясь к нему, словно девица из какого-нибудь пошлого романа?

Ее женская гордость кричала «нет», и он, должно быть, догадался об этом, потому что лицо его посуровело.

– Ведь это опасно, – попыталась возразить она.

– Я хороший наездник, – успокоил ее Монтгомери и сунул хлыст под стремя.

Чтобы освободить руки и посадить ее, догадалась Аннабель. По ее телу пробежала дрожь, и она уже не понимала, от волнения или от мороза. Пока еще есть возможность продолжить свой путь к деревне, уйти как можно дальше от этого человека...

Герцог бросил на нее мрачный взгляд.

– Подойдите.

Невероятно, но Аннабель сделала шаг к нему, как будто он потянул ее за руку. Он и бровью не повел – тут же взял ее за локоть и развернул, прижав спиной к теплему телу лошади. В нос Аннабель ударили запахи пота, кожи и шерсти. Шерстью, наверное, пахло пальто герцога, потому что он оказался совсем близко, зажав ее между жеребцом и своей грудью.

– Удивительно, как быстро вы согласились, мисс Арчер, – пробормотал он, пристально глядя ей в лицо. – Должно быть, совсем замерзли?

Аннабель снова посмотрела ему в глаза. Она ничего не могла с собой поделать, без всякого стеснения всматривалась в его лицо, забыв о скромности и приличиях. Возможно, ее привлекли контрасты: бледные, почти прозрачные радужки с темными ободками, вспышки сдерживаемой страсти в глубине холодных глаз... Она заметила, как он перевел взгляд на ее губы. И почувствовала, как пересохло во рту...

У герцога вдруг выступили желваки. Он был недоволен.

– Да у вас зуб на зуб не попадает, – сказал он. – И вы молчите! До чего же нелепо!

Его рука инстинктивно потянулась к верхней пуговице пальто, чтобы снять его, и Аннабель замерла. Герцог тоже, его рука вдруг замерла. Лицо Монтгомери стало до смешного растерянным. Он взглянул на девушку, и она поняла, что его порыв согреть ее застал врасплох их обоих. Он считал своим долгом не дать ей погибнуть в его владениях, хотел укрыть ее своим

пальто, как благородную леди, но это было бы слишком. Аннабель не была благородной леди. Она не принадлежала ему, и он не обязан был оберегать ее.

Герцог протянул ей свой шарф.

– Возьмите.

Голос звучал суровее, чем когда-либо прежде. В душе его шла борьба, в которую ей не стоило ввязываться. Аннабель накинула шарф на шею, пытаясь не вдыхать запах кедрового мыла и мужчины, исходивший от мягкой шерсти.

Руки Монтгомери крепко обхватили ее за талию, и в следующее мгновение она уже сидела на нервно гарцующем жеребце, наполовину на его холке, наполовину в седле, сжимая блестящую белую гриву. Подумать только!

И тут же Монтгомери оказался в седле позади нее, волнуяще близко.

– Позвольте.

Он снова шокировал ее, обняв за талию и прижав к своей груди. Какая крепкая у него грудь! Жар пробежал по всему телу Аннабель, разливаясь по каждой клетке. Забытое чувство, которое она надеялась никогда больше не испытать...

В сильных мужских объятиях она постепенно согрелась, ее тело расслабилось. И все же следовало пойти в деревню пешком, так было бы правильно. Не стоило поддаваться герцогу, ведь пройти оставалось совсем чуть-чуть...

Его левое бедро прижалось к ее бедру, и Аннабель выдохнула:

– Остановитесь, прошу вас!

Он натянул поводья.

– В чем дело?

– Пожалуйста, ваша светлость, отвезите меня в деревню, в гостиницу. Это гораздо ближе.

На мгновение он замер. Затем крепче обнял ее.

– Слишком поздно.

Он ударил шпорами, и лошадь понеслась галопом.

Глава 9

От девушки пахло жасмином, сладким и теплым, как летняя ночь в Испании. Запах совершенно не вязался с заснеженными полями, пролетающими мимо, и, конечно, с дрожащим, непокорным созданием в его руках. Как она с решимостью маленького воина брела напролом сквозь сугробы! Как стояла на своем, не уступая ему, пока у нее не застучали зубы от холода! Ее упорное сопротивление оставляло ему два варианта: силой перебросить ее через плечо, подобно варвару, или договориться. Себастьян сжал губы от досады. Никогда он не вел переговоры, если другой стороне нечего было предложить. Эта же девушка вынудила его принести извинения там, на холме, ему даже пришлось прибегнуть к шуткам, чтобы уломать ее. И даже на шутку она ответила неожиданно ловко, чем выбила его из колеи. Разве мог он ожидать, что синему чулку известна разница между дедукцией и индукцией?

Когда они въехали во двор, уже стемнело, фонари на стенах дома отбрасывали на булыжники желтые круги. Лошадь внезапно свернула к конюшне, и герцог наклонился вперед, чтобы направить непослушное животное к дому. Мисс Арчер вдруг повернула голову, и его нос уткнулся в мягкие завитки, а рот оказался прижат к холодному уху.

Она съезжилась, а он отстранился.

– Прошу прощения.

На его губах остался привкус ее холодной кожи.

Темнота опустилась бы гораздо раньше, чем она добралась бы до Хоторна. Она вполне могла заблудиться, и утром на одном из его полей нашли бы лежащее ничком замерзшее тело в залатанном пальто.

Монтгомери вдруг охватило странное, жгучее желание встряхнуть ее.

– Ваша светлость. – Конюх стоял возле левой ноги, с нескрываемым удивлением глядя на женщину в объятиях Себастьяна.

– Стивенс, – коротко сказал он, – там вторая лошадь.

Мисс Арчер пошевелилась, отчего ее округлый зад сильнее прижался к его паху. С тихим проклятием Себастьян соскочил с седла, как только Стивенс убрался с дороги.

Ее лицо теперь находилось над ним, неподвижное и бледное, как луна. Монтгомери поднял руки, чтобы помочь девушке, но она не сдвинулась с места, ее пальцы все еще сжимали гриву лошади.

– Прошу вас, мисс.

Окаменела она, что ли, там, наверху? Девушка вела себя подозрительно тихо.

Лошадь пятилась в сторону, стремясь поскорее добраться до конюшни. Аннабель все держалась за гриву.

Монтгомери протянул руки туда, где под слоями одежды должна была находиться ее талия, собираясь снять девушку с лошади, и услышал слабый всхлип.

– Что на этот раз?

– Боюсь, что упаду, – раздался ее раздраженный голос.

До него дошло, что девушка, вероятно, никогда раньше не ездила на лошади, несущейся галопом. Быстрая езда вполне может испугать новичка. У него самого лицо онемело от сильного встречного ветра.

– Не бойтесь, я вас поймаю, – хрипло произнес он.

Аннабель почти упала в объятия Монтгомери и, крепко вцепившись ему в плечи, неуклюже соскользнула вдоль его тела. Наконец ноги девушки коснулись земли, и она подняла глаза. В мутном газовом свете невозможно было определить их цвет. Однако герцог точно знал, что они зеленые, удивительного оттенка, спокойного, приглушенного, как лишайник. Он еще раньше хорошо рассмотрел эти глаза. Монтгомери по-прежнему ощущал тяжесть ее тела и наконец осознал, что все еще крепко обнимает мисс Арчер. Спohватившись, он тут же разомкнул объятия, отступил назад, не переставая поддерживать ее под локоть.

– Вы можете стоять?

– Да, ваша светлость.

Мисс Арчер казалась растерянной. Без сомнения, девушка была очень независимой и привыкла обходиться без посторонней помощи.

На всякий случай он положил ее руку себе на предплечье. Перчатки у нее были старые, потертые, и Монтгомери почувствовал странное желание прикрыть ее руку своей, пока Стивенс, самый медлительный конюх на свете, не уведет лошадь.

Он почти втащил девушку вверх по главной лестнице. В освещенном теплом доме их с нетерпением поджидала небольшая компания – по вестибюлю нервно расхаживала миссис Бичем, а в дальнем конце стояли две молодые леди, готовые броситься к подруге, как только герцог исчезнет из поля зрения.

Мисс Арчер убрала руку с его плеча, лицо девушки было непроницаемым, как ее наглухо застегнутое пальто. И таким же холодным. Но, несмотря ни на что, она была так хороша... Он заметил ее красоту еще раньше, там, на холме. Даже без всех этих продуманных с дальним прицелом нарядов, которые обманули бы менее проницательный мужской глаз, даже с покрасневшим носом и растрепанными ветром волосами эта женщина была прекрасна. И считалась бы красивой во все времена. Такой тип красоты не зависел от моды или положения в обществе: изящная шея, точеные скулы, мягкий рот. Этот рот... Розовые полные губы могли бы принадлежать скорее куртизанке из Бретани, чем англичанке, синему чулку из деревенской глуши... Себастьян поймал себя на том, что пристально смотрит на мисс Арчер, пытаясь понять, к какой из знакомых ему категорий женщин ее следует отнести. И, к своему удивлению, так и не понял.

На шее мисс Арчер все еще оставался его шарф, а монограмма в виде герба Монтгомери, как значок, расположилась прямо на бугорке ее левой груди. При виде этого зрелища герцога будто обдало жаром, в глазах потемнело. Он уже был не в силах мыслить здраво, сохранять спокойствие. *Она должна принадлежать ему.* На мгновение эта мысль пронзила его, и он уже едва сдерживал жгучее желание, его как магнитом тянуло к этой девушке.

Боже, что же с ним происходит? Герцог отступил назад.

Глаза цвета зеленого лишайника настороженно следили за ним.

– Надеюсь, мы увидимся за ужином, мисс.

Холодный тон превратил слова в приказ, и губы Аннабель дернулись от негодования.

Монтгомери зашагал прочь, представляя, как вопьется зубами в ее мягкую нижнюю губу и какое наслаждение ему это доставит.

Час спустя он смотрел на свое отражение в зеркале умывального столика. Ванна, тщательное бритье, помощь умелого камердинера вернули ему силы. Мог ли он подумать еще утром, сойдя с парома в Дувре, что в тот же день он пустится в погоню за чудовищно упрямой женщиной? И все же какое-то беспокойство, гнетущая пустота в душе не покидали его. Возможно, возраст дает о себе знать.

– Молодые джентльмены весьма обрадованы тем, что им столь неожиданно выпала честь отужинать с вами, ваша светлость, – заметил Рэмси, втыкая булавку в галстук.

Себастьян увидел, как губы камердинера изогнулись в иронической улыбке. Ну один-то молодой джентльмен совершенно точно не испытывает радости от перспективы совместного ужина. И даже не принимая во внимание Перегрин, герцог прекрасно понимал, что, хотя он здесь и хозяин, вряд ли его приезд оказался для гостей приятным сюрпризом. Обычно, когда он входил в комнату, где собиралась компания, разговор прерывался, смех затихал, и все начинали вести себя как-то осмотрительнее. Каждый преследовал свой интерес: одни стремились получить от герцога что-то, другие боялись лишиться чего-либо. Его присутствие всегда заставляло окружающих быть осторожнее в словах и даже в помыслах, чтобы не попасться в ловушку его пронизательности, как глупые мухи попадают в искусно сплетенную паутину. В жизни герцога наступил период, когда ему крайне редко доводилось слышать хоть одно честное суждение, и если бы он вдруг стремительно покатился в пропасть, все вежливо отступили бы в сторону и пожелали ему удачи.

– Рэмси, – обратился он к камердинеру.

Тот отряхивал пыль с рукава и без того безупречного смокинга герцога.

– Ваша светлость?

– Если бы вы вошли ко мне в кабинет и увидели, что я стою посреди комнаты, а вокруг все вверх дном и из-под стола торчит пара ног, что бы вы сделали?

Рэмси замер. Осторожно поднял глаза, чтобы определить настроение герцога, хотя знал наверняка, что не увидит на лице Себастьяна ничего, что тот демонстрировать не желал.

– Ну, ваша светлость, – ответил он, – я бы принес метлу.

В этом можно было не сомневаться.

– Вы свободны, Рэмси.

Теперь Монтгомери предстояло пригласить своих гостей в столовую и провести следующие три часа, борясь с желанием задушить своего брата.

Перегрин шел к своему месту рядом с герцогом, словно благородный юноша, идущий к позорному столбу: собранный, бледный, на негнущихся ногах. Его обычно непослушные волосы были тщательно приглажены и разделены пробором. Однако он трусливо избегал встретиться взглядом с Себастьяном. Господи, дай мне сил, думал герцог, ведь если завтра мне суждено упасть с лошади, продолжателем восьмисотлетней династии Монтгомери станет этот мальчишка. А фамильный замок навсегда станет недостижимым для семьи. Себастьян с трудом сдерживался, чтобы не придушить Перегрин.

Гости рассаживались, двигая стульями, шаркая ногами. Вслед за тем за столом возникло некоторое смятение. Лорд Хэмпшир и лорд Палмер с удивлением уставились на мужчин по левую руку от себя, Джеймс Томлинсон изображал, будто обмахивается веером. Проходи вечеринка в доме здравомыслящего человека, на этих местах восседали бы леди. Немногочисленные дамы, имеющиеся в наличии, – пожилая тетя Джулиана Гринфилда и три синих чулка – затерялись среди тринадцати молодых людей. Себастьян даже не пытался вникнуть в такие тонкости.

– Оригинально, за столом так много молодых людей, – громко произнесла тетя Гринфилда, сидевшая справа от герцога.

– Разве это плохо? – без тени смущения ответил тот.

Перегрин не отрывал глаз от пустой тарелки, будто любуясь ею.

Лакеи выстроились в ряд и сняли с первого блюда серебряные крышки, под которыми оказались отборные куски фазана в кроваво-красном соусе.

Зазвенели столовые приборы, в бокалах отразилось пламя свечей.

Перегрин все еще не решался взглянуть на герцога. Себастьян сверлил взглядом профиль брата, его гнев перешел в ярость.

Очень медленно Перегрин поднял глаза. По телу юноши пробежала дрожь, когда взгляды братьев встретились. Себастьян чуть улыбнулся ему.

– Как фазан?

Глаза Перегринна расширились.

– Превосходен, благодарю. – Он ткнул вилкой. – Надеюсь, ваше путешествие прошло без приключений, сэр?

– О да, без приключений, – сказал Себастьян, делая глоток воды. – Приключения начались позже, когда я прибыл домой.

У Перегринна кусок застрял в горле, юноша чуть не поперхнулся.

Гости оживленно беседовали. Среди гула герцог различал спокойный грудной голос мисс Арчер на другом конце стола. Ее реплики сопровождались чересчур громким смехом разгоряченных молодых людей, сидящих рядом с ней. Себастьян усмехнулся про себя. Ни один из этих юнцов не способен развлечь такую женщину, как мисс Арчер, как бы они ни старались.

– Завтра я еду в Лондон, – сказал он Перегрину, – вернусь в понедельник и буду ждать вас в своем кабинете в шесть часов.

Лицо его брата побледнело еще сильнее, хотя казалось, что белее уже невозможно.

И непонятно почему, просто посмотреть, что из этого выйдет, Себастьян с силой воткнул нож в кусок мяса на тарелке.

Вилка Перегринна со стуком упала на стол.

Шестнадцать голов повернулись в их сторону, словно в комнате раздался выстрел.

Глава 10

Аннабель проснулась от тихого постукивания, источник которого она никак не могла определить. Она пыталась не обращать внимания на странный звук. Подушка под щекой была мягкой, словно облако, невероятно соблазнительной. И... чужой.

Уже больше шести, она чувствовала это всем своим существом. Она проспала! Аннабель резко села, и где-то в темном углу кто-то ойкнул.

Очертания комнаты стали более четкими: роскошные столбики полога, высокие окна, слабый отблеск люстры... Она находилась в доме герцога Монтгомери, а у камина стояла горничная с кочергой.

Аннабель откинулась на подушки. Здесь не нужно было следить за камином, а рядом не было ни кузена, ни полудюжины детей, ожидающих завтрака... Она провела рукой по лицу. Лоб был влажным.

– Который час?

– Около половины седьмого, мисс, – ответила горничная. – Не прикажете ли подать вам чай?

Как заманчиво выпить чаю в постели... Несмотря на лишние полчаса сна, Аннабель почему-то ощущала странную вялость во всем теле. Но, пока все спят и дневная суета еще не охватила дом, нужно сделать перевод. Аннабель с трудом опустила ногу с кровати. Нога была тяжелой, словно налилась свинцом.

– А в столовой в это время подают завтрак? – спросила она.

Глаза служанки расширились, когда до нее дошло, о чем ее спрашивают. Она, вероятно, никогда не видела, чтобы гость вставал на рассвете. Аристократы спали до полудня. Аннабель хорошо это помнила.

Лакей прошел в столовую, затем резко остановился и щелкнул каблуками.

– Ваша светлость, мисс Арчер, – объявил он.

Аннабель остолбенела.

Ну и везет же ей! В дальнем конце стола уже кто-то сидел. Раскрытая газета скрывала лицо сидящего, но это, без сомнения, был хозяин дома. И разумеется, он оказался единственным аристократом в Англии, который поднимался раньше полудня.

Монтгомери взглянул на Аннабель поверх края газеты. Его глаза, ничуть не сонные, несмотря на ранний час, будто видели ее насквозь. От этого взгляда ей стало неловко, жаркая волна стыда пробежала по телу. Аннабель крепко сцепила руки перед собой.

Монтгомери удивленно вскинул бровь, которая из прямой превратилась в дугу.

– Мисс Арчер. Что-нибудь не так?

Все не так.

Он выбил ее из колеи.

Черт бы побрал эти умные глаза и непринужденную самоуверенность! Они лишали Аннабель самообладания, из-за них она чувствовала себя неуютно и скованно. Она вспомнила сильную руку, обнимающую ее, твердость груди у себя за спиной, прохладное прикосновение его губ к ее уху... Его незабываемый запах, такой тонкий и ни на что не похожий, неотвязно преследовал ее, пока она не приняла на ночь ванну. Едва узнав герцога, ее тело инстинктивно потянулось к нему, хотя так быть не должно. Ведь Аннабель совсем не нравился этот человек!

– Мне сказали, что я могу позавтракать здесь, ваша светлость.

– Можете, – рассеянно ответил герцог, будто его мысли были заняты чем-то другим.

Он отложил газету и жестом указал лакею на место слева от себя, приказав накрыть на стол.

Внутри Аннабель все опустилось. Ей совсем не полагалось сидеть рядом с герцогом! Но тот уже сворачивал газету, как будто вопрос был решен.

Чтобы добраться до отведенного ей места, Аннабель пришлось проделать долгий путь мимо пустых стульев, вдоль всего длинного стола.

Монтгомери смотрел на нее с присущим истинным аристократам неопределенным выражением лица, взгляд его был тусклым. На гладком черном шелке его галстука так же тускло поблескивала бриллиантовая булавка.

– Надеюсь, ваш ранний подъем не связан с какими-либо неудобствами в вашей комнате? – спросил он.

– Комната превосходна, ваша светлость. Просто для меня это вовсе не рано.

В его глазах блеснул огонек интереса.

– Разумеется, не рано.

В отличие от нее, ему, вероятно, не было нужды подниматься до рассвета через силу. Наверняка он делал это с удовольствием.

Лакей, подвинувший ей стул, склонился над ней.

– Вам чаю или кофе, мисс?

– Чаю, пожалуйста, – сказала она, стараясь не забыть о том, что в таком доме прислуге не говорят «спасибо».

Лакей спросил, не подать ли ей что-то из еды. Чтобы не подниматься сразу из-за стола, Аннабель согласилась. По правде говоря, есть совсем не хотелось. Должно быть, горничная затянула корсет слишком туго.

Монтгомери, казалось, давно закончил завтрак. Рядом со стопкой газет стояла пустая чашка. Почему же он приказал ей сесть рядом? Ведь он был так погружен в чтение. Но она уже поняла, что герцог был человеком долга. *Учтивость*, вероятно, была для него таким же долгом, как и скачка по морозу ради спасения взбалмошной гостьи от нее самой. Придется сделать в его анкете пометку «*очень учтив*». Правда, лишь до тех пор, пока он не ошибется, посчитав даму алчной шлюхой, промышляющей в свете.

– Вы, кажется, одна из этих, из активисток леди Тедбери, – сказал он.

Так-так. Не слишком-то он и учтив. Выражений не выбирает.

– Да, ваша светлость.

– И что же привело вас к ним?

Аннабель чувствовала его интерес, отнюдь не поддельный. Капли пота выступили у нее на спине. Какая досада! Сейчас, когда у нее есть шанс повлиять на врага, она, как назло, была совершенно не в форме.

Спокойно. Сохраняй спокойствие.

– Я женщина, – ответила она. – Вполне естественно, что права женщин мне безразличны.

Монтгомери удивленно пожал одним плечом, совершенно по-галльски.

– Большинство женщин даже не задумывается о каких-то правах, – сказал он. – Ну а вам-то лично какая разница, будет ли изменен Закон о собственности 1870 года или нет?

Опять эта заносчивость и бесцеремонность! Герцог прекрасно понимал, что у нее нет никакой собственности, которую она могла бы потерять, выйдя замуж, и, следовательно, нет права голоса, которого можно было бы лишиться. Высокомерие Монтгомери особенно раздражало, когда в словах герцога была доля истины.

Аннабель облизала пересохшие губы.

– Кроме того, я согласна с этикой Аристотеля, – сказала она, – а он считал, что стремление к общему благу имеет большую ценность, чем к личному.

– Отчего же тогда во времена Аристотеля у греческих женщин не было права голоса? – произнес он, и на его губах мелькнула тень улыбки. Он будто получал удовольствие, ставя ее в тупик.

Насмешливый блеск в его глазах сделал ее безрассудной.

– Древние греки просто забыли включить права женщин в общее благо. Небольшое упущение, в истории такое случается сплошь и рядом.

Монтгомери кивнул.

– Ну а как вы относитесь к тому, что мужчины, не имеющие собственности, тоже не могут голосовать?

Он *определенно* наслаждался этим разговором. Как кот наслаждается, прихлопывая мышь, прежде чем ее проглотить.

В голове Аннабель будто стучал огромный молот, в висках пульсировала боль. Но ведь она наедине с герцогом, у нее есть возможность на него повлиять. Она должна, должна попытаться.

– Возможно, больше равенства необходимо и для мужчин, ваша светлость.

Не стоило этого говорить.

Герцог покачал головой.

– Да вы еще и социалистка, а не просто феминистка, – произнес он. – Я даже опасаясь, как бы ваше общество не повлияло разлагающе на моих слуг, мисс Арчер. Вдруг они поднимут бунт, когда я завтра вернусь из Лондона?

– Я бы не осмелилась, – пробормотала она. – Ведь под домом, вероятно, есть темница.

Он посмотрел на нее хищным ястребиным взглядом.

– Еще какая, – сказал он, а затем спросил: – Вам нездоровится, мисс?

– Нет, все в порядке.

Темница? Что за вздор? У нее, без сомнений, легкая лихорадка.

Лакей вернулся и поставил перед ней тарелку. Копченая рыба, жареные почки и зеленоватое месиво. От горячей еды шел солоноватый аромат. Аннабель замутило.

Монтгомери щелкнул пальцами.

– Принесите мисс Арчер очищенный апельсин, – сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно.

Она уставилась на его руку, без перчатки, вновь лежащую на столе. Изящная рука с длинными тонкими пальцами. Такая вполне могла бы принадлежать музыканту. На мизинце герцога поблескивал фамильный перстень с темно-синим сапфиром, который отбрасывал блики, словно крошечный океан.

Аннабель почувствовала на себе его взгляд. И поняла, что он заметил, что она почувствовала.

– Надо же, «Манчестер Гардиан», – быстро сказала она, кивая на отложенную в сторону газету.

Монтгомери искоса взглянул на нее.

– А вы, кажется, приняли меня за читателя «Таймс».

– Скорее «Морнинг пост». – Она назвала газету еще более консервативную, чем «Таймс». Суфражистки читали «Гардиан».

– И вы не ошиблись, – сказал герцог и приподнял номер «Гардиан», под которым лежала «Таймс». А под ней «Морнинг пост».

– Не слишком ли много, ваша светлость?

– Не скажите. Чтобы получить полную картину происходящего в стране, нужно читать газеты всех направлений.

Аннабель вспомнила, что именно этому человеку королева поручила обеспечить победу партии тори на выборах. И он хотел знать все, что происходит в стране, чтобы лучше управлять ею.

О, она почувствовала это уже на Парламентской площади, когда они встретились взглядами. Да кто угодно почувствовал бы: Монтгомери был умным, очень умным человеком. И эта мысль волновала ее так же, как и мысль о том, что под его шелковым жилетом скрывается мускулистое тело.

Аннабель потянулась за чашкой и неловко задела ее. Тонкий фарфор звякнул, чай выплеснулся через край.

– Извините, – пробормотала она.

Монтгомери, сощурившись, внимательно посмотрел на нее.

Лакей подскочил, забрал чашку с блюдцем и унес.

Аннабель попыталась выпрямиться и поглубже вдохнуть. Но не смогла, казалось, ей на грудь свалился валун.

– Прошу прощения, – прошептала она. – Ради бога, извините.

Герцог что-то сказал, но она не смогла разобрать его слов.

Ноги у нее отяжелели, она едва смогла подняться со стула. Сделала шаг, другой... Стоило ей отойти от стола, перед глазами все поплыло. О, господи, нет! Покачнувшись, Аннабель задела стул. В глазах потемнело, и она будто провалилась в черный туннель...

Когда она пришла в себя, в голове гудело, будто внутри роились миллионы пчел. Аннабель лежала на диване, ее ноги упирались в спинку. В нос ударил едкий запах нюхательной соли. Над ней склонились экономка миссис Бичем, дворецкий и Монтгомери.

Лицо герцога было мрачным.

– Как я и предсказывал, вы все-таки заболели, – произнес он.

Аннабель сердито взглянула на герцога. Все из-за него. Ведь это он вчера посреди поля напороочил ей болезнь.

– Не стоит беспокоиться, ваша светлость, со мной все в порядке.

Он опустился рядом с ней на одно колено, его взгляд был суров.

– Вы бы разбили голову о пол, если бы я не удержал вас.

Девушка, которую приходится везти на лошади, девушка, теряющая сознание в его объятиях... Аннабель захотелось расхохотаться во весь голос, но вместо смеха получился какой-то пугающий сдавленный звук. Миссис Бичем испуганно зажала рот рукой.

– Скоро придет мой врач, – сказал Монтгомери.

Врач? Аннабель попыталась подняться.

– Нет-нет, не надо...

Его рука легла ей на плечо и мягко, но решительно усадила обратно.

– Она, возможно бредит, – сказал дворецкий миссис Бичем, как будто Аннабель не могла их слышать.

– Как вы не понимаете! – сказала она, ненавидя себя за отчаяние в голосе.

Аннабель не болела с тех пор, как была девочкой. Она просто не могла позволить себе заболеть. Вечно некогда, вечно какие-то дела. И теперь у нее курсовая работа... ученики...

– Кого я должен уведомить о вашей болезни? – спросил Монтгомери.

Аннабель с трудом осознавала сказанное.

– Профессора Дженкинса, – ответила она. – Боюсь, что не смогу закончить перевод вовремя.

– Да она точно бредит, – сказала миссис Бичем. – Бедная девочка.

– Я имел в виду ближайших родственников, мисс, – нетерпеливо сказал Монтгомери.

– О, – сказала она. – У меня никого нет.

Что толку сообщать Гилберту? Ее болезнь только раздосадовала бы его. Ведь это она должна была заботиться о его семье, а не наоборот. В носу защипало, на глаза набежали слезы. Если она не сдаст курсовую работу, то ее стипендия будет под угрозой... как и ее будущее...

– Никого нет, – повторила она, – поэтому мне нельзя...

Нельзя болеть.

Последовала пауза.

– Понятно, – сказал Монтгомери.

Она подняла на него глаза, потому что его тон показался ей подозрительно мягким.

– Не беспокойтесь ни о чем, о вас позаботятся, – заверил он.

Его рука все еще лежала у нее на плече, он все еще удерживал ее тело, которое, казалось, превратилось в горячий пар.

– Я не могу позволить себе...

«Доктора», хотела сказать она.

Герцог покачал головой.

– Здесь вы будете в безопасности.

В безопасности.

Трудновыполнимое обещание. Но голос герцога звучал так уверенно, что не возникало никаких сомнений в том, что оно будет исполнено. На этого человека можно положиться, вручить ему свою судьбу на некоторое время. Оказывается, чтобы доверять мужчине, необязательно любить его.

Себастьян расхаживал перед дверью комнаты мисс Арчер, хмуро поглядывая на карманные часы в руке. Скорее всего, когда придет доктор Бервальд, он будет уже на пути в Лондон. Придется положиться на своего дворецкого, которому доктор даст все необходимые советы.

Она чуть не упала в обморок посреди столовой, рухнула, как срубленное дерево. И этот проблеск страха в ее глазах только что... Но в том нет его вины. Она взрослая женщина и сама должна управлять своими чувствами. И решение убежать в мороз в своем жалком поношенном пальто приняла сама.

Он сунул часы обратно в карман и повернулся к Бонвиллю.

– Если ее состояние ухудшится, пока я буду в Лондоне, пошлите телеграмму в резиденцию в Белгравии.

Дворецкий удивленно поджал губы.

– Да, ваша светлость.

– И вот что, Бонвилль...

Дворецкий подошел ближе.

– Ваша светлость?

– Прикажите моему человеку разузнать, кто такая мисс Арчер.

Глава 11

Аннабель резко вздрогнула и проснулась, сердце бешено колотилось, она задышалась. Во сне она видела старый кошмар – как падает с большой высоты. Ее глаза открылись как раз в тот момент, когда каждый ее мускул напрягся перед ударом о землю.

Яркий свет зимнего утра с силой ударил по глазам, голова раскалывалась от боли.

– Ну и чушь мне снилась! – Ее голос прозвучал как карканье.

– О, ты проснулась!

Хэтти вскочила с кресла возле камина, Катриона поднялась степенно. Матрас просел, когда обе подруги устроились на краю кровати и устремили взгляды на больную.

Аннабель села и убрала растрепанные волосы за ухо.

– Который час? – прошептала она.

– Девять утра, – сказала Хэтти, протягивая ей стакан воды. – Шестнадцатого декабря, – добавила она.

Боже милостивый! Уже понедельник. Значит, она проспала день и две ночи и почти ничего не помнила. Она сделала глоток воды.

Хэтти пощупала ей лоб.

– Как ты себя чувствуешь?

Аннабель чувствовала себя совершенно разбитой. Будто на нее обрушилась стена.

– Так, небольшая слабость, – сказала она. – Спасибо.

У обеих подруг под глазами виднелись бледные фиолетовые круги. Должно быть, это их мягкие пальцы она чувствовала на своем лбу в лихорадочных снах, их руки обтирали ее горячее лицо мокрым прохладным полотенцем.

Ее горло сжалось.

– Испортила вам всю вечеринку. Вот уж не думала, что так выйдет! – Тут ее осенила еще одна мысль... – А разве мы не должны были уехать вчера?

– Ты была слишком слаба для путешествия, поэтому мы написали хозяину и остались, – объяснила Катриона. – И останемся еще на несколько дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.